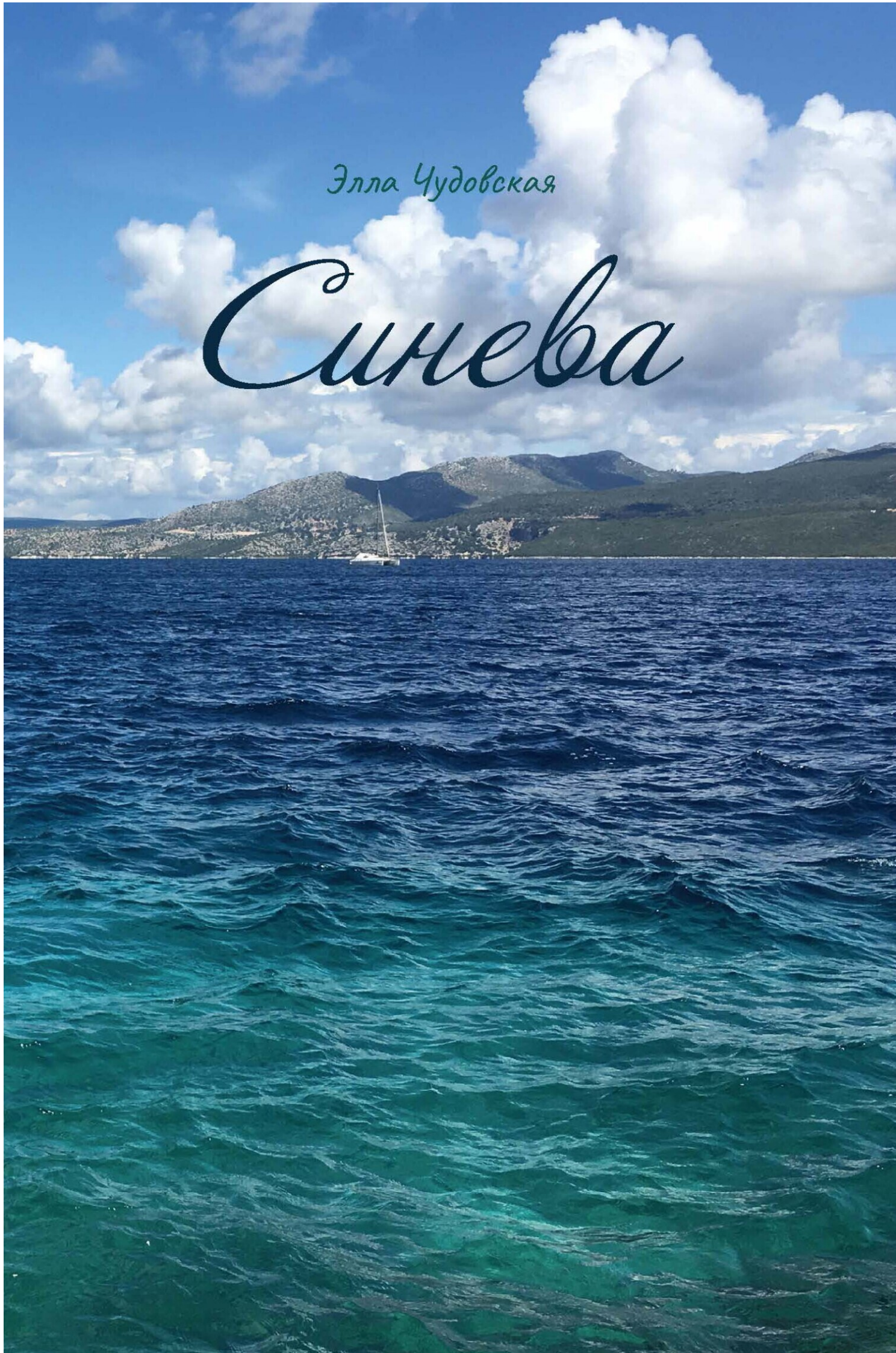

Элла Чудовская

Синева

Элла Чудовская
Синева

«Де'Либри»

2023

Чудовская Э.

Синева / Э. Чудовская — «Де'Либри», 2023

ISBN 978-5-44-911539-3

Я сижу под нависающими ветвями цветущей магнолии и не чувствую ничего, кроме резкой вони свежескрашенных ворот. Жена выбрала самый неприятный оттенок охры — светло-рыжий, как... я не знаю, как выразиться поприличнее. Белая красавица заходится буйным цветом — зовет жуков и букашек полакомиться сладким нектаром, — а они по большой дуге огибают наш двор. Да уж! Была бы польза от этой затеи. В прошлом году какие-то полоумные гиды проложили по нашей улице новый туристический маршрут. Все началось с пронырливых китайских туристов, они семенили тараканьими шажочками и льнули ко всем щелям, чем приводили в замешательство местных жителей. Но китайские группы имели начало и конец, как похоронные процессии, их можно было переждать. Шведы, немцы, англичане с красными лицами парами и тройками рассеивались по улице, замирали восковыми фигурами, гремели жестяными пивными банками... И их тоже можно было перетерпеть. Невыносимым стало нашествие пришедшей красоты. Девочки, девушки, женщины и какие-то неопределяемые...

ISBN 978-5-44-911539-3

© Чудовская Э., 2023

© Де'Либри, 2023

Содержание

Синева	5
1.	5
2.	7
3.	9
4.	11
5.	13
6.	15
7.	17
8.	19
9.	21
10.	23
11.	25
12.	28
Не моргни	31
Эскапизм, или Бегство с персиком в руке от пчелы	33
1.	33
2.	37
3.	41
4.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Элла Чудовская

Синева

Синева

*Синева,
Блеск воды.
И ни дней,
Ни часов,
Ни минут.
Облака
В тишине,
Словно
Белые птицы,
Плывут.
Булат Окуджава.*

1.

Я сижу под нависающими ветвями цветущей магнолии и не чувствую ничего, кроме резкой вони свежескрашенных ворот. Жена выбрала самый неприятный оттенок охры – светлорыжий, как... я не знаю, как выразиться поприличнее.

Белая красавица заходится буйным цветом – зовет жуков и букашек полакомиться сладким нектаром, – а они по большой дуге огибают наш двор.

Да уж! Была бы польза от этой затеи.

В прошлом году какие-то полоумные гиды проложили по нашей улице новый туристический маршрут. Все началось с пронырливых китайских туристов, они семенили тараканьими шажочками и льнули ко всем щелям, чем приводили в замешательство местных жителей. Но китайские группы имели начало и конец, как похоронные процессии, их можно было переждать. Шведы, немцы, англичане с красными лицами парами и тройками рассеивались по улице, замирали восковыми фигурами, гремели жестяными пивными банками... И их тоже можно было перетерпеть.

Невыносимым стало нашествие пришлой красоты.

Девочки, девушки, женщины и какие-то неопределяемые...

Одинокие, парами и со свитой...

Славянки, азиатки, африканки...

С телефонами, мыльницами, профессиональными камерами...

С селфи-палкой, бойфрендом, подругой или оператором...

Часовые фотосессии у каждого выступления, цветочного горшка, куста, двери... с переодеваниями и поиском туалета...

Это была настоящая осада, и имя захватчику – легион.

Наша тихая улица ничем не примечательна: маленькие домики, прячущиеся в густых садах за сплошными заборами из светлого желтого песчаника, желто-серая брусчатка дороги, ярко-синие двери домов, жесткие кустики лавра, жаркое дыхание разогретых солнцем камней. И только из нашего двора высовываются узловатые ветви старой магнолии в пышном белоснежном одеянии вечной невесты. Узенькая лавочка под стеной в тени – отдохни, усталый путник!

Каждый год по окончании сезона дождей, в первые дни весны, все двери и ворота на улице покрываются свежим слоем синей краски, от бирюзовой до кобальтовой. Наш дом стоит в верхней части улицы, и с террасы на крыше в ясные дни можно видеть лазоревый морской горизонт. Я поднимаюсь наверх с банками красок и импровизированным мольбертом – представляю себя творцом и собственноручно смешиваю новую порцию цвета, сверяясь с синей полосой, простирающейся под пяткой неба. Новый цвет, новая весна, новая жизнь...

К маю магнолия выбрасывает первые крупные цветки, и верхушка ворот вскипает белой пеной далекого прибоя.

Не правда ли, чудесная рамка для фотографии?

С этим соглашается каждая заблудившаяся или добровольно оказавшаяся в наших местах красавица.

Когда ружейным выстрелом обломилась большая ветка, а следом раздался дикий вопль, жена от испуга выронила любимый глиняный горшок, в который только что закончила снимать сливки, десятимесячный внук зашелся в плаче, а бульдожка Лиля пукнула и так рванула с места, что запуталась в вязаном коврике и съехала на нем по ступенькам...

Одной незадачливой брюнетке не хватило роста, чтобы ее круглое лицо оказалось окружено цветочными бутонами, и она попросила свою группу поддержки притянуть ветви пониже. Так притянуть, чтоб в кадре это было незаметно. И тут сработал единый для всех народов принцип: сила есть – ума не надо. Ветка треснула, согнулась и, все еще влекомая книзу, оставила глубокую царапину на лбу модели...

Если вы думаете, что нам полагалась компенсация материального ущерба, то очень ошибаетесь. Невезучая девушка пыталась, кажется, получить ее от нас.

Вот тогда-то в умную голову моей вспыльчивой супруги и пришла идея испортить ворота.
Я страдаю.

Я страдаю от запаха плохой краски.

От бесплодного одинокого цветения любимого дерева.

Но это пройдет.

Рыжую эту гадость я не вижу – со стороны двора ничего не изменилось.

2.

У меня сегодня свободное утро, и я должен сходить в багетную мастерскую к Винсенту – готово обрамление к портрету моей дражайшей супруги. Это важное и безотлагательное дело. Да вообще-то абсолютно все важнее, чем быть дедом ползунка. Это же недоразумение, а не человек! Ни поговорить, ни на рыбалку сходить... Вот вырастет, и тогда-а-а-а...

А сейчас мы с Лилой быстренько собрались и выскочили за ворота.

– И в аптеку не забудь! Я тебе все написала! – Контрольный выстрел в спину.

Не забуду, не забуду. Как можно забыть купить морской воды?! Ее же тут днем с огнем не сыскать! Эх!

– Лиля, девочка, иди сюда, в тени.

Бульдожка пытит, перебирает лапками. Мы жмемся к теневой стороне улицы. У Прокопия над воротами малиновым облаком вьется бугенвиллея. Сам он восседает на табурете с отверстием в руках и ковыряется в замке.

– Привет, Макарий! Как дела? Смотри что! Напихали дряни в замочную скважину...

– Привет, Прокопий! Мы на набережную идем. Прихватить тебе что-нибудь?

– Не. Сорви красотке цветок.

Охотно. Лиля у нас шатенка, и ей идут все оттенки красного. На спинке шлейки я прикрепил маленькую прищепку – как раз для таких случаев! Это выглядит так же парадно, как плюмаж на конской сбруе.

За домом Прокопия улица обрывается, и нам предстоит преодолеть двести метров крутого спуска над каменистым берегом вдоль металлических поручней. Внизу лениво шлепают волны, цикады пропиливают утро навстречу полдню, а мы в тени горы ползем себе по холодку.

Мастерская Винсента притулилась в самом изножье горы, но мы не сразу к нему пойдем – у нас ведь еще аптека, а это почти на набережной. И мы с Лилой выходим на променады.

Я клянусь, мне в жизни не доставалось столько внимания, сколько его получает Лиля! От младенцев до беззубых стариканов – все замирают от ее красоты, а отмерев, создают круговое движение. И только старушки с трясущимися чихуанцами нервически озираются по сторонам и хватаются за поводки.

Мы меланхолично проплываем в этом нескончаемом потоке восхищения и усаживаемся на террасе у Джины. У нее самый лучший кофе на острове и изумительное миндальное печенье. Джина нас замечает и тут же приносит для Лилы непередаваемой красоты керамическую пиалу, облитую бирюзовой глазурью, с холодной водичкой.

– Джина, ты бы мне хоть раз такую роскошь подала!

– Болтун! Кофе?

– Как всегда, дорогая.

Лиля напилась и сидит под столиком у моих ног. Терраса приподнята, следуя капризам рельефа, и прохожие имеют возможность любоваться Лилой и моими старыми мокасинами.

Из проулка на малой скорости выскальзывает скутер, ссаживает пассажирку. Она резко сдергивает шлем, распускает черные блестящие волосы, расправляет и приглаживает челку над высоким лбом с широкой полоской пластыря. Скутер исчезает, а девушка направляется в нашу сторону и поднимается на террасу. Взмахом руки с массивным золотым браслетом ее призывают к дальнему столику.

Лиля пятится, прижимается к моим ногам и закидывает морду кверху, ища моего взгляда.

– Что, девочка, что? Сейчас идем.

Нам правда уже пора. Прижав блюдцем пять евро, я киваю Джине, занятой на кухне, и сбегая книзу. За Лилой кидается маленькая девочка с леденцовой конфетой: на, собачка, на! Я успеваю поймать ребенка на краю ступени и вручить в руки подбежавшей матери. Мельком

замечаю, как побелевшие пальцы владельца золотого браслета впиваются в запястье девушки с пластырем, прижимая к столу и удерживая.

Винс курит под навесом, потягивая белое домашнее вино из запотевшего бокала. Эта страшная кислятина производится его кузенком в промышленных масштабах с чувством невероятного достоинства. Я напускаю на себя жутко озабоченный вид, суетливо жму руку, рвусь к мастерской – все что угодно, лишь бы избежать угощения. Винсент – отличный мастер по дереву, все в моем доме приведено в порядок его умелыми руками. Расплачиваюсь за раму, бережно несу ее перед собой до ближайшего угла, а там надеваю на себя через плечо и прихватываю на руки Лилу – солнце уже высоко, тени почти исчезли, и темная шерстка красоти раскаляется немилосердно, а нам еще предстоит подъем. Малиновый цветок поник, и я бросаю его в заросли осоки.

Я люблю жару – мое поджарое, легкое тело не знает усталости и не поддается испытаниям погодой. Я молод, бодр и чертовски привлекателен. Кто-то, не будем говорить – кто, зовет меня дедом, но это все неправда и навет. Лила лежит мягким животом на предплечье, легкая рама тихонько тукает по ноге. Полуденное солнце рыбьей чешуей искрится в мелкой морской ряби, оглушая и ослепляя светом. Внизу, под перилами, на изломах плоских камней дна черные пушистые комочки морских ежей выложили свою версию звездного неба. Желтовато-зеленая прозрачная вода перекачивается с ленивым шепотом. За синими картинами приходиться надо пораньше или попозже...

И все же я и запыхался, и вспотел, и отчего-то стал не в духе, когда подошел к своему дому, опустил Лилу на землю и усталился на рыжие ворота, как тот баран из поговорки. Это просто невыносимо. И тогда я вспомнил про девушку с пластырем на лбу. И еще что забыл купить морскую воду.

3.

Моя Лариса творила неприятные вещи с моей головой. Она в нее вбивала острые клинья пронзительного голоса.

Пришлось лечь с давлением и головной болью.

Почему нельзя этому внуку промывать нос в естественной среде?! Именно этому! На улице июль, люди платят бешеные деньги за отдых на море, а они из аптеки морскую воду должны приносить! Пф-ф-ф-ф! И не доводите меня!

Нет, я уважаю мнение своей невестки. Она умная девица, самостоятельная... Но ведь и глупая тоже, оттого что еще неопытная. Надо приниматься за воспитание внука, надо... Да, Лилоид курносый?

Лариса вот женщина опытная и мудрая – она с невесткой в конфликт не вступает, ждет, когда меня бомбанет. И тогда все: дед у нас псих на всю голову, да и вообще его нельзя нервировать, давайте притворимся, что мы все делаем по его... А потом все делает по уму. Умница моя.

Вечером, когда сошла жара и солнце приготовилось выложить розовые перины, я вывел своего «жука», и мы отправились к малой купальне. Лила сидела рядом со мной, напрягив лопушки своих ушей и вытянув шею. Сзади, уперев колени в спинку пассажирского сиденья, Лариса развлекала мелкого видами из окна. Его зовут Яном. Ян, Янек, Яничка. Яичница какая-то, а не внук. Мы с ним так себе еще дружим. Вегетативная дружба пока.

Остров наш можно за день проехать по диагонали и за три – по диаметру. И то из-за топографии местности. Положил Боженька в лужицу синего восторга желтенький узорчатый камушек-монетку, да и умилился красоте создания. А потом люди вылупились и давай грызть, давай... Да нет, подрывная работа по периметру проделана миллионами лет водных касаний разной степени нежности и ярости. Люди грызут из середки потихоньку-помаленьку...

Берег скалистый и дно из каменных плит. Песчаных пляжей почти нет, в основном плоские, изрытые, как сыр маасдам, площадки. Малая купальня, излюбленное место в секретной бухте, – неглубокое, не больше локтя, гладкое углубление в камне, размером со среднего бегемота, которое ласково облизывает нежный язычок волны. Вода теплющая всегда, только вот если давно никого не было, дно приходится чистить.

Двадцать минут тряски – Лила скисла и мордой легла мне на колено, пуская печальные слюни, Ян затоптал бабушку, и скисла она, утирая ладонью пот с лица. Я же был в приподнятом настроении – мужика сейчас буду купать!

Эти пухлые складочки и розовые круглые пяточки, мелкие вихры и блестящие глазки... Вы думаете, мы, brutальные мужчины, из чувства презрения к телячьим нежностям не способны обмирать от умиления и заходиться сердцем в приступе любви? Вот и продолжайте так думать.

Миссия была близка к провалу – мелкий верещал и истерил, как только его подносили к воде. Ну да, кто его знает, как ему видится эта подвижная прозрачная масса? Но зачем человеку была дарована собака? Для дружбы в лучших ее проявлениях. И Лила, робкая, утонченная девушка, мужественно шагнула в прохладную соленую негу природной чаши. И как же она элегантно двигала своими короткими лапками, поднимая фонтаны брызг морщинистым носом. Ян не смог отказаться от участия в таком празднике жизни. В общем, носы были промыты у всех.

Я разбежался и нырнул в «настоящее» море, поймал ритм, гладкие волны подхватили тело, и на молодом азарте я маханул аж... Не очень далеко – вокруг меня заложил круг мускулистый, чуть подгоревший англоговорящий товарищ на гидроцикле. Из-под козырька кепки столичного гольф-клуба на меня смотрели равнодушные зеркальные «пилоты». «Где Причал

боцмана?» – спросил вежливо и учтиво. Я сделал пространный жест рукой в нужную сторону, назвал главный опознавательный знак. Товарищ кивнул, очертил новый круг и у... то есть вырулил, куда ему было надо, сверкнув браслетом на солнце. Грубое якорное плетение, видел уже сегодня... Вот мода пошла. Вообще не люблю золото на мужиках – это ж мягкий металл, нежный, он всю силу забирает. Идиоты!

Оставшись в плевках турбин и со сбитым настроем, раздумывал: дальше или ну его? И тут Лариса заметалась вдоль берега... Благо малой сучил ногами у нее в руках, а то меня бы инфаркт схватил. Пригляделся, куда она машет, и увидел в воде треугольнички ушей Лилы. Лиля и так нервничала, когда я поплыл, но кто ж знал, что она расхрабрится и кинется в волны?

Назад, значит.

– Это кто был? Кто был, спрашиваю! Чуть не переехал тебя, скотина!

– Успокойся, не беспокойся, как говаривала хорошая наша знакомая... Дорогу человек спросил, нельзя, что ль?

– Кривляешься все. Тебя даже Лиля кинулась спасать! Девочка наша, храбрая наша...

Это вообще не моя собака. Она к внуку прилагается. Тандем такой – не нужны они родителям в отпуске... Заберу всех, на фиг, насовсем, будут мне тут туда-сюда...

4.

– Маркуше, послушай меня хорошо, Маркуше!

– Я слушаю тебя, Пьетро!

Маленький, одышливый человечек без шеи, с неправильным бульдожьим прикусом (в этом месте я готов прочесть лекцию о формировании и различиях пород английского, французского, американского бульдогов, но воздержусь, просто поверьте – Лила чистый «фрэнч» и нет никого ее прекрасней) стоит напротив и буравит меня в области ключиц глазами навыкате. Что у меня там? Аж зачесалось.

– Маркуше, я со всем уважением и ответственностью заявляю – наш кондоминиум этого допустить никак не может! Маркуше, вы подписывали контракт, там все оговорено...

Пьетро трясет раскрытой ладонью по направлению наших «живописных» ворот. Да у меня самого кровь в жилах стынет от одного взгляда на такую выразительную красоту... Подхватываю председателя кондоминиума под локоток и завожу в благодатную тень беседки. Лопасты большого потолочного вентилятора гонят по кругу потоки воздуха, и реденький венчик на макушке Пьетро сминает теплым потоком. Я ищу глазами милую Ларису, но она уже сама бежит навстречу с холодным вином и бокалами.

Ретируюсь. Лара разберется – здесь я буду только мешать. Она может изменить течение вод, а тут всего лишь какое-то постановление жильцов...

Янек спит, фаршированные болгарские перцы тихо булькают в большой кастрюле, Лила смотрит на меня и ждет указаний. Что? Жара, видишь, какая, сиди под кондиционером, вечером плавать поедом. Цербер мой личный. Мать родная за мной так не следила, как Лила сопровождает каждый мой гребок в воде, я нырять уже боюсь: только потеряет меня из виду – рвется с поводка и скулит. Привязываем ее теперь, от греха подальше.

Выложу пока фотографии в соцсетях. С детства увлекаюсь художественной фотографией и считаю – мои пейзажи достойны первых страниц National Geographic. Однако любовью аудитории завладели портреты Лилы, и где-то я с этим согласен, хотя обидно...

– Макар, ты на хозяйстве, а я...

– А ты куда?!

– А я буду в кабинете писать петицию в городской совет от жильцов улицы.

– Зачем?

– Пусть они меняют маршрут по городу! Тогда я перекрашу ворота!

– Ну ты даешь...

– Так, Яничка проснется – дашь ему вот этот творожок и банан разомнешь вилкой. Перцы... Выключаю уже перцы.

– А нам с Лилой что?

– Вот кастрюля, вот холодильник – не маленький! Лила – на диете.

Да это я так, прикалываюсь. Жена, когда злая, такая красивая становится...

Море сегодня говорливое, даже немного сердитое. Волна беспорядочная, ребристая. Пока выбирался на камни, ссадил кожу на бедре. Устал. Лежу возле своей благоверной, отдыхаю. Малой ползает вдоль каменной лохани – топит, спасает корабли и уточек. Лила сидит рядом, ее большие уши чутко подрагивают от каждого звука, спинка напряжена – высматривает что-то. Солнце медленно спускается к горизонту в самой нежной фазе своего засыпания – розовато-сиреневой. Уши Лилы пронзает горизонтальный луч, и они вспыхивают красноватыми фонариками. Ребенок и собака золотистыми контурами сияют в красках догорающего дня. Перед ними простирается оранжевая дорога в неизведанные дали через безграничное сапфировое поле... Время, остановись! Я хочу замереть навсегда перед этой прекрасной картиной, но лишь делаю серию волшебных, магических снимков.

Янек и Лиля заснули в машине. Мы тихонько занесли их в дом, посмеиваясь и переглядываясь. Кто бы мог подумать!

Дома пахнет перцами, маленьким ребенком, теплым камнем, собачьим кормом, кондиционером для белья... И еще чем-то едва уловимым, незнакомым. Оглядываюсь. Все привычно. У меня проблемы с обонянием – оно меня мучает избыточными деталями нещадно.

5.

- Собирайся скорее, надо подписи собрать, пока не жарко.
- А что, я должен этим заниматься?
- А кто?
- Хм... Ты в кабинете у меня убирала?
- С чего бы? Мы же договорились.
- Ну там, может, искала что-то или книжку взяла?
- У тебя нет ничего нужного или интересного. Займись делом уже!

Ладно, ладно. Странно это все. Еще и по соседям ходить...

Мы с Лилой начали с Прокопия. Во-первых, дом у него крайний. Во-вторых, он любит всякие обсуждения. В-третьих, он местный, он свой. В-четвертых, он вроде и сам пострадал. Или нет?

Прокопий восхитился нашим явлением под его ворота. Сразу все подписал. Одарил Лилу цветком. Вызвался нас сопровождать.

На это я очень рассчитывал. Теперь Прокопий вел все переговоры, а я носил за ним планшет с протоколом. Когда нас облаяли в третьем по счету дворе, Прокопий так распереживался за психику Лилы, что предложил закончить обход самостоятельно. Нас не пришлось просить дважды – мы уже заждались этого момента и тут же отправились на променады!

На самом деле у меня было в городе дело, но если рядом прекрасная дама, не вывести ее в свет – величайшее преступление. Десятиминутное дефиле в волнах обожания – и как я жил без такой собаки? Не доходя до заведения Джина – это потом, на обратном пути, – сунул Лилу под мышку и побежал. Время было ограничено. Время семейного человека всегда ограничено. Мне не терпелось, я месяц уже изнывал – мой агент так не вовремя уехал в отпуск.

Наконец я получил свою доставку, сунул ее под другой локоть и припустил назад, стгорая от любопытства.

На террасе кафе я занял любимый крайний столик и стал ждать наши с Лилой напитки. Мой кофе и воду для Лилы Джина вынесла одновременно, задержав взгляд на моем пакете, пожевала губу.

– Марко! (Варианты произнесения моего имени островитянами еще не исчерпаны. Не понимаю, чем их не устраивает Макар.) Я варю персиковое варенье, сейчас принесу тебе на пробу.

Джина вынесла креманку с половинкой проваренного в сиропе персика, окруженного медовой жижей и бледными тельцами миндалин, присела ко мне за столик и выжидательно заглянула в лицо. Ну, что ж... Я не люблю сладкое, но абсолютно теряюсь перед знаками женского внимания, поэтому зачерпнул ложечкой орешек, излишне оживленно прожевал, вытаращив от восторга глаза. И тут позвонила жена. Ее интересовало, и справедливо, где я пропадаю – Прокопий уже закончил обход и принес бумаги. Э-э-э-э... В этот момент я удачно вспомнил, как соскользнул вчера с камней.

– Да мы с Лилой в город решили сбегать по-быстрому – хочу купить себе резиновые тапки для плавания.

- Иди на Святого Стефана, там раза в два дешевле будет. И Янеку возьми. И мне заодно.
- А размер?
- Тринадцать сантиметров по подошве у Яна... и мне тридцать седьмой.
- А как...
- Тебя поймут.

Джина тем временем положила ладони на мой сверток, приподняла его, будто взвешивая.

– Книги, – сказал я, опережая вопрос, – внуку заказали русские книги. Пора уже... Кстати, очень вкусно, я бы взял рецептик для жены.

Джина улыбнулась, наклонилась к Лиле, погладила большим пальцем ее лобик и ушла в конце концов.

Мне расхотелось вскрывать и рассматривать здесь мою посылку. Придется дожидаться, когда Лара заснет. Мысль купить тапки была очень кстати – в коробке я смогу незаметно пронести свое тайное приобретение.

Когда мы возвращались, солнце стояло в зените. Цикады с громкостью реактивных двигателей приветствовали новый день, а я, в обнимку с горячей Лилой, увешанный коробками, еле полз вверх по дороге, умирая от жары. Внизу море купало морских ежей – оно было так близко, прозрачное, ласковое. Желтое, зеленое, лазурное, синее, кобальтовое, сапфировое... Боже, как жарко.

– Прокопий. Прокопий, ты ходишь на море?

– Да ты что, Макарий! Я уже лет шесть не купался! Спросил тоже!

6.

Допустима ли ложь в браке? Вот что на самом деле вы хотели бы у меня спросить. Отвечаю как на духу – нет. И теперь кажется, что и вас я тоже обманываю. Такая вот жизнь... Скажем, я пользуюсь возможностями умолчания и укрывательства.

С юных лет я собираю редкие ценные книги. Моя жена считает, что у нее аллергия на книжную плесень и пыль, под этим благовидным предлогом она пользовалась чужими конспектами в студенчестве. Поэтому «старье» в доме у нас под запретом. Проверять этот факт себе дороже. Скажу честно, пятая часть книг в моей библиотеке – антиквариат, замаскированный глянцевыми суперобложками современных изданий. Хитрость моя может быть раскрыта в любой момент, да. Я к этому готов – тогда мы обсудим реальность аллергии. И что-то мне подсказывает, все останется, как есть.

Некоторые люди не могут жить без выдумки и тайны. Пусть это будет столь же невинно. Сколько оттенков синего вам известно?

Море сегодня гнало белых барашков по своим лугам цвета «Лондон топаз». Было ветрено, и наши морские процедуры закончились раньше обычного.

Днем с материка принесло облачко салатовой, не очень крупной саранчи. Яна она привела в восторг, а Лила из состояния ступора впадала в панику, а потом обратно. Пришлось запереть ее в доме. Вечер у детей (понятно ведь уже, что нам подбросили не одного, а двух детей?) прошел под дверями. С визгом счастья Ян просовывал пальчики в щель над полом, а Лила их облизывала.

Мы с Ларой почувствовали, что это, возможно, последний спокойный вечерок – Янек все увереннее стоял на своих пухлых, кривоватых ножках, требовал вертикальных прогулок. Пока дети и собаки были заняты собой, мы душевно распили бутылочку «Чирвары».

Моя новая добыча – мой подарок судьбы, неслыханная удача, моя прелесть – лежала одиноко наверху, в кабинете, и звала меня, как Кольцо Всевластия хоббита Фродо. После вина жена заснет одновременно с младшими, и я наконец-то предамся греховному наслаждению...

Двухтомник «Идиота» Достоевского – единственное прижизненное издание, из коллекции семейства древнего уважаемого рода. Старики ценители отправились на покой, дети утратили волю, внуки любят все свое, все новое, а правнуки просто не читают. Увы, редкий экземпляр находился в крайне удручающем состоянии; неподобающее хранение в условиях эмиграции, небрежение последних лет – все это позволило выкупить бесценный лот за вполне доступные мне деньги. Деньги... Иногда после реставрации книги, которые не сошлись со мной характером – энергетический шлейф, знаете ли, – я опять выставляю на аукцион. Случаются неплохие деньги...

Человек без увлечения, без полета мысли – унылое создание. Мое официальное хобби – кораблики: модели фрегатов, галер, каравелл... Ни у кого не вызывают вопросы миниатюрные инструменты, запахи лака, клея, краски, обрезки картона, бумаги, кожи, шнура... «Ужас какой кошмар, бардак, вонь! И не рассчитывай, что я буду здесь убирать!» – это реплики Лары. А я, в свою очередь, восклицаю: «Не смей ничего здесь трогать!»

Моя тайна живет в укромном местечке.

Ты думаешь, мой друг, какие секреты могут таить близкие тебе люди?

Не думай об этом.

Думай о причинах, по которым они могут появиться.

Ночь приходит внезапно – черный бархат неба прокалывают искры первых звезд. Ковши Большой и Малой Медведицы, Кассиопея, Гончие Псы... За чтением космической карты не замечаешь, как начинает разворачиваться бездонный колодец звездного калейдоскопа и чернота растворяется в спектре холодной сини.

Лиля сопит и слегка подрагивает на лежанке под окном. Янек раскинулся в кроватке с высокими бортами, пустил слюнку по пухлой щечке, маленькие пальчики скручены в замысловатые фигуры. Лара лежит на краю кровати, сон ее всегда крепок, радары настроены на один-единственный звук – голос ребенка, – ладонью она все еще касается ножки малыша. Я тихонько крадусь по краю лестничных полотен – у стены они совсем не скрипят.

Сейчас, сейчас...

7.

Моя прелесть!

Я чувствую очень сильное эмоциональное возбуждение. Предвкушаю первое прикосновение. Ножницы в руках слегка подрагивают под мягким светом настольной лампы...

Маньяк. Маньячина.

Подготовлю-ка сначала маскировочную обложку – оттянем, так сказать, момент сладострастия. У меня давно лежат два последних романа Стивена Кинга на итальянском. Я прилично владею несколькими языками, а вот Лара абсолютно счастлива и горда своим совершенным английским. В моей библиотеке нет художественной литературы на английском – осознанно не создаю никаких точек притяжения для супруги. Ужасы на итальянском... Да я ни над чем в жизни больше так не смеюсь. Великолепно, просто великолепно. Сами книги я потом отдаю Винсенту – он заядлый потребитель развлекательной литературы, и на этой почве мы с ним очень подружились.

Винс – итальянец, как вы уже могли догадаться. Однако это не означает, что мы в Италии. Прокопий – грек. Джина – американка. Пьетро из Сицилии, но у меня есть сомнения как в том, что он итальянец, так и в том, что он Пьетро...

Так, так-так.

Моя прелесть!

Срезаю пленку, вскрываю гофрированный картон коробки, снимаю пупырчатую пленку, тонкий слой полупрозрачного, хрусткого пергамента...

Едва уловимое движение за окном отвлекает мое внимание – на меня смотрят две Луны. Одна – бледная, далекая, в голубой короне облака, вторая – желтоватая, будто головка сыра, с тремя черными неровными дырами.

А-а! Да это же перевернутое лицо!

Я позволяю себе лишь короткий, приглушенный вскрик, но тело мое реагирует с полной амплитудой, и я отшатываюсь прочь от оконного проема назад... навзничь... И быть бы мне с сотрясением, да комната у меня узкая и стул, не имея возможности опрокинуться, упирается верхушкой спинки в стену. Ножки стула, сминая коврик, медленно проезжают вперед, и я плавно, сгибаясь в шее и поясице, словно криветка, укладываюсь на пол, с ногами, торчащими в потолок.

Пара секунд на осознание комичности ситуации с привкусом трагизма, абсурда и ужаса. Подтягиваю колени к груди и вываливаюсь из ловушки набок. С каким выражением лица мне явиться из-под стола перед своим «зрителем»? Выдергиваю из розетки электрический шнур лампы и, не поднимая над столом головы, нащупываю книги, на четвереньках выползаю из кабинета, прикрываю дверь.

Я чувствую себя трусом и малодушным человеком.

Возможно, я испугался собственного отражения в стекле.

У меня нет ни малейшего желания возвращаться в комнату до рассвета.

Прячу книги среди своей рабочей одежды, раздеваюсь и ныряю в постель рядом с женой. Сердце частит, я прислушиваюсь к шорохам дома, пению птиц, скрипу сверчков. Долго не могу заснуть. За окном потихоньку светлеет, но еще до первых красок утра ровное дыхание спящих все же уносит меня в тревожный, поверхностный сон.

Ян просыпается первым, в отличном настроении; ухватившись пухлыми ручками за бортик кровати, он пружинисто приседает и трясет тяжелым памперсом. Лара легко, по-девичьи, поднимается, чмокает ребенка и уходит делать смесь. Лиля продолжает сладко похрюкивать во сне. Я открываю один глаз, затем – второй. Воспоминания молнией проносятся в голове. Надо

срочно завернуть и убрать книги. Дождаясь возвращения жены, возобновляю свой давний разговор с внуком:

– Скажи «деда», Янек, скажи «де-да»...

Он всех уже называет, моя же очередь зависла.

– Мака!

Что?!

– Мака!

Лара стоит в дверном проеме, крутит в ладонях бутылочку и хохочет:

– Ну вот, дед, а потом ты будешь Макай! Ой, ха-ха-ха! Ой, ха-ха-ха!

Зараза ведь эта Лариса. Но я все равно чертовски рад.

Мы с Лилой выходим на утреннюю прогулку. Я осторожно отпиваю свой горячий кофе, Лиля цокает коготками в полной тишине утра и обнюхивает влажные от росы камни. Минуя дом Прокопия, мы выходим к высокой осоке над обрывом и одновременно замираем. Лиля в связи с физиологическими потребностями, а я от избытка чувств и впечатлений. В чистом, безмятежном, пронзительно-синем небе неподвижно зависли черными галочками два баклана, превратив картину начала дня в детский рисунок. Море цвета изумруда дышит так легко и сонно, словно ветер перебирает страницы раскрытой книги...

Книги!

Возвращаемся к дому, я поднимаю голову и замечаю, как раскачивается от сквозняка фрамуга крайнего окна в кабинете. А окна без москитных сеток мы открытыми не держим...

8.

Как только женщина берет на руки младенца, она превращается в Мадонну и требует всяческого преклонения.

Лара сидела на террасе и маленькими щипчиками подрезала Яну ногти на ногах. Ян так рыдал и извивался у нее в руках, будто ему откусывали пальцы целиком. Жена бросила на меня лишь один взгляд, как я уже кинулся на кухню, оставил кружку в раковине и заметался в поисках чуда. Лила бочком-бочком, от греха подальше, сбежала в глубь дома. Предательница! Под руки попали коробка с овсяными хлопьями и банка зернового кофе.

Тихо тапками шурша, я выехал в центр площадки, поднял руки и потряхнул импровизированными маракасами. Танец Джима Керри из фильма «Маска» в моем исполнении обескуражил внука до полного забвения своих страшных мук и сразил жену наповал. В общем, все валялись... Лара отдышалась от смеха и прогнала меня восвояси.

– Через полчаса съездим на рынок?

– А то! – Я все еще был в ударе и полон энтузиазма.

Располагая тридцатью минутами личного времени, можно многое успеть, что я и намеревался сделать. Взлетел по лестнице на верхнюю площадку, а там... А там наша милая, бессловесная, хорошо воспитанная Лила сидит напротив двери со сморщенной донельзя мордочкой и глухо порыкивает. Вот те на!

Кто-то в комнате?

Мой задор испарился мгновенно, но отступать-то некуда – я уже дал себе достаточно поблажек... Рванул на себя дверь, готовый ко всему, и тут же на мою голую ногу набросилась когтистая, зубастая саранча. Ыа-а, я бешено затряс ногой, Лила забилась в угол. «Ну, что ты, что ты, это всего лишь букашка...» – бормотал я то ли себе, то ли собаке. Вторая тварюга скребла своими отвратительными лапами в скомканной обертке. Я принялся охотиться с полотенцем наперевес, а Лила страдальческим взглядом сопровождала мои метания. И все же победа была за нами – дикие животные пойманы и выброшены в окно. Открытое не мною окно, которое теперь не хотело закрываться... тэкс, раму отжали, ее повело, и язычок задвижки не попадает в паз. Приходится пристроить щепочку пока что...

Что? Вы недоумеваете, какие могут быть задвижки в нашу эру стеклопакетов? Обычные, как у бабушки вашей на даче были. Думаете, я во дворце живу или современная вилла у меня с двадцатиметровым бассейном и хамамом? Нет, просто старенький, но крепкий, удобный и хорошенький домик. Его давным-давно построил для своей небольшой семьи местный архитектор. И дом, я вам скажу, стоит выложенных за него денег. Люстра богемского стекла с яркосиними подвесами в малом (малом!) санузле сыграла не последнюю роль в принятии положительного решения. Моя любовь к синему цвету ведет меня по жизни как путеводная звезда – у Лары самые синие, самые прекрасные глаза на свете.

И в этот хорошенький домик кто-то, судя по всему, проник или пытался проникнуть. Я осматриваюсь, открываю все ящики, заглядываю во все углы – все на месте. И лишь упаковка от моей посылки лежит слишком аккуратной кучкой. Я точно не так оставил.

Поднимаюсь на плоскую крышу дома, ложусь животом на край, свешиваюсь и заглядываю в окно своего кабинета. Вот так это было. Угу. Справа к нашему дому вплотную примыкает соседнее здание, оно чуть ниже, и в целях разграничения пространства с нашей стороны стоит ряд высоких горшков с кустами мирта. Горшки тяжелые – целую вечность стоят на одном месте. И вот два горшка в центре смещены – из-под днища выглядывают скобки более темного камня. Больше никаких следов и зацепок. Что происходит?

Меня зовет женщина с ребенком на руках. Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа.

Цыц! Кто тут вспомнил это слово «подкаблучник»?!

Я просто за мир во всем мире. Аминь!

На бегу проверяю, как там лежат под рабочими штанами мои книги. Тоскливо касаюсь пальцами корешков, эх...

Обстоятельства жизни уже давно доказали мне, что если что-то очень настойчиво не происходит, то оно предназначается не для меня. Какая сила не дает мне воссоединиться с «Идиотом»?

9.

Тем временем...

Тем временем Александра переживала не лучшие дни в своей молодой, многообещающей жизни. Все катилось под откос.

Неприятности начались почти полгода назад, когда со смертью деда были приостановлены все финансовые отчисления в адрес родственников. Пропажа завещания, появление из ниоткуда непонятной, невнятной родни, приезд внебрачного сына, пятидесятилетнего волосатого мужика, ДНК-тесты, очередность наследования... Родители, которые от всего «отморозились» и шестой год медитируют на Бали.

Всем по фиг, как она живет!

Оказалось, что ее блогерство, ее подписчики, доходы от рекламы абсолютно не способны покрыть траты на поддержание привычного образа жизни. Ради этой поездки ей пришлось продать свой миленький «поршик»... Хнык-хнык. И она на этом каменном отвратительном острове застряла как последняя дура!

Ее суперпроект – ее блог – умирает, счетчик подписок беспощадно отматывает назад, рекламодатели разрывают контракты, новых предложений нет. Ее аудитория, выпестованная «жестким люксом», не хочет тратить свое время на любование природой жалкого острова.

Синее-синее море. Желтое-желтое солнце, ну, или красное, или... да не важно. Серые камни. Колючие кактусы. Сухая трава.

Никакой экзотики. Никаких мест силы. Никаких достопримечательностей. Да тут даже ни одной приличной войны не было!

А еда эта... Что это за столовки для нищелюбов?! И рыба! Они целыми днями жарят рыбу!

Сдохнуть здесь только.

Еще этот ужасный шрам на лбу. Связалась с местными остолопами на свою голову... Завтра снимут швы. Потом лазер, косметика – все что угодно, только бы избавиться от уродливого рубца. А челка? С ней она похожа на деревенскую деваху. Как это пережить?!

Изя следит за ней.

До чего страшная рожа. Изя – это она так его называет из вредности, посмотреть, как он бесится, бастард. Бастард, которому мать дала имя Изсак, что означает «он будет смеяться». Посмотрим, кто будет смеяться последним, посмотрим. Результаты ДНК, кстати, подтвердили родство, и, хочешь не хочешь, придется считаться с новоявленным дядюшкой. Что дед делал в этой убогой Венгрии?

– Я – модьяр! Я – гордый народ! Я – цыган! Я проклинать!

Английский учи, лох. Проклинать он будет.

Маленькую виллу, которую Александра сняла на месяц в единственной бухте с крошечным участком песчаного пляжа, пришлось покинуть, как только Изя ее там нашел. Как он мог узнать, что она в «Причале боцмана»? Кто ему помогает, какие у него возможности?

– Ты говорить, где завещаний! Я искать! Я сын! Я прав! Ты – глупый ленивый овец! Твой родитель – тупой идиот!

Вот такой разговор. Как общаться с этим человеком? О чем?

Нет, ну вот так кратко и четко разложить мою семейку...

Я элементарно проплатила (ладно, дед проплатил) обучение в Королевской Академии драматического искусства. Выперли меня оттуда на второй год. Быстренько закончила частную театральную школу в Лондоне – там все кратко, конкретно, по делу. Вылетела звездой, упала кометой – спасибо, что в атмосфере не сгорела: тело деревянное, голос скрипучий, мимика

банальная, харизмы никакой – никому такая не нужна! Ну, ничего, для девочек-дурочек в Интернете моей харизмы хватает. С наследством разберусь, и все будет круче, чем было.

А родители... да, отпилили свой кусок пирога и без дальнейших претензий осели на Индонезийских островах. Карма, астрология, веды, тантра, медитации, благовония... Воскурились, в общем. Считай, нет у меня родителей.

Ноль – таланта, ноль – родителей, ноль – денег, зато больной на всю голову дядька висит на хвосте. Я знаю, что ему надо. Если ему удастся первому найти завещание и уничтожить его, раздел дедовых капиталов пройдет по стандартному порядку очередности, принятому в Евросоюзе. А он, на минуточку, единственный наследник первой очереди, раз мои родители свое как бы уже получили. А если дед его не признал при жизни, то с чего ему получить что-то по наследству? Вот.

Пока я пыталась покорить Голливуд (ха!), мои родители успели выставить на аукцион все, что находилось в квартире, которая была выделена отцу по условиям их с дедом договора. Мебель, картины, библиотеку – все то, что дед у отца хранил. Жизнь в секте тоже, оказывается, денег стоит... Вот они все свое профукают – и что? Придут ко мне: доченька, подай на травку и хлебушек?

Я бросила все дела и прилетела домой месяц назад, когда нарисовался Изя и начались суды по признанию его прав. Завещание должно было быть – оно было, я точно знаю. Дедуля, человек старой закалки, никому не доверял – все у него было в недвижимости, предметах искусства, в сейфах. Не в банке, так «в банке». Если завещание не хранилось в сейфе, не было у поверенного, значит, он его спрятал, а я знала все его тайники, где он прятал от бабушки (бабулечка моя любименькая!) сигары, коньяк и блокноты со всякими кодами и напоминалками. Вот в одной из записных книжек я и нашла пометку: «Завещание – Идиот 2 т. 152».

Я загуглила эту комбинацию и вышла на Достоевского. На Достоевского, которого мои родители успешно продали и денежки наверняка уже потратили. Мне пришлось нанять детектива, и мы отследили, куда направились книги. Направиться-то направились, но получены были только что.

Мне надо лишь посмотреть. И все. Если в книге лежит гербовый бланк завещания, он никому, кроме меня и Изя, не нужен.

Там такая хорошая, приятная русская семья – с ними наверняка можно договориться. Но мне приходится все делать тайно, через нанятого человека.

Попытка пробраться ночью в дом ничего не дала: книги, которые уже были вот, перед носом, исчезли. И куда их этот русский дел, непонятно. Я не могу сама прийти к этим людям – за мной следом явится Изя... и что произойдет потом, мне страшно представить. У них такой славный малыш. А собака-барабака какая милая. Я попросила детектива, и он сделал мне несколько фотографий.

Заведу себе такую же... потом.

10.

Дедушка-ослик полз на гору.

На спине складная коляска и пакет с пирогом, на левой руке – внук, под правым локтем – собака. Это всего двести, но каких метров! Горка градусов под шестьдесят. Думал, что Лила доберется своим ходом, но нет, она привыкла, что здесь ее несут, улеглась пузом на камни, растеклась лужицей, язык розовой тряпочкой вывалила, бровки домиком, взгляд несчастный, глаза слезятся. Я не повелся на эти манипуляции, ушел метров на пять, а она лежит так обреченно – прям трагическая актриса. На руках Ян бьется, тянется назад: «Бака! Бака!» Постоял, вздохнул, вернулся, подобрал. Теперь Ян наклоняется к Лиле, хватается за ухо, собака уворачивается...

Словно бурлак на Волге, клонюсь к земле, тащу свою дрыгучую поклажу. Черт меня дернул, но сегодня уже все на взводе – у Яна лезут сразу два зуба, он куксится, ноет, с рук не слезит. Пока Лара занимается ужином и стиркой, я решил, для разнообразия, внука прокатить по набережной. Все было просто отлично: толпа гуляющих, дети, собаки, уличные музыканты, лотки с шарами и сладостями. Ребенок, отвыкший от большого количества людей, глаза и рот раскрыл от удивления и так всю прогулку просидел. Только слюни успевай подтирать.

Потом меня заметила Джина, выбежала, давай зазывать на кофе с горячим пирогом, а Лила та сразу на ступеньки и к знакомому столику – готова, ждет свою водичку. Посмеялся и поднялся на террасу.

Джина поставила передо мной чашечку кофе и целый пирог в упаковке. Присела на корточки, дала воду Лиле, потом повернулась к Яну, сидящему в коляске, и сделала ему всякие «у-тю-тю». Прямо из-под стола она тихо, но внятно произнесла:

– Мы должны поговорить. Это касается безопасности твоей семьи. В десять у Винсента. Пирог отдашь жене – скажешь, угощение от него в честь дня ангела, и отпросишься в гости. Понял?

– Понял.

Язык общения определяет манеру и настроение речи. В русском варианте внутри меня заиграла бы мелодия из «Семнадцати мгновений весны». Английский, чувство которого развито просмотрами боевиков, выдал набор сценок наподобие «разборки в Бронксе». И вот это все: размахивание руками, наклон корпуса, скругленные плечи, мотня между колен, брызги и обороты, сочетающие близких родственников с физиологическими процессами... Но я просто проблеял: «Понял», проглотил кофе одним махом, собрал все свое в охапку, плюс пирог, и ушел, не заплатив. Должен был заплатить?

Лара как-то ничему не удивилась, махнула устало рукой: иди куда хочешь, мы будем уже спать. Ну и ладно. Ну и ладно. Поужинали, я доработал дедушкой до отбоя. Думал было взять с собой Лилу для моральной поддержки, но она первая забилась в свой уголок и моментально засопела. Ну и ладно.

Я вышел, было уже темно, но еще рано – до назначенного времени оставалось минут двадцать. Постоял на горе, посмотрел, как зажигаются звезды, послушал тоскливые песни сверчков об одиночестве. Несколько дней прогноз предрекал дожди и грозы, а небо было ясным, безоблачным, только море волновалось и бурлило меж камней. В голове проносились тревожные мысли – перебирал в уме последние сделки, клиентов, конкурентов, друзей, неприятелей... Никому не должен, никого не подставил. Что за...

Раньше у Винса я бывал только в мастерской – казалось, он и живет там. Но сейчас горело лишь одно окно в доме, я заглянул – кухня. Джина и Винсент сидят у стола, между ними бокалы с вином, курится дымок сигареты, забытой на блюде.

Постучал, они вздрогнули. Винс вскочил и распахнул дверь: заходи, заходи, – проводил меня в кухню, а сам вышел.

– Где книги, Марко? – Джина начала наскоком, как только я сел.

Она женщина корпулентная, сдобная, веснушчатая, рыжая и всегда в очень ровном, умиротворенном настроении. Сегодня волновалась и явно была не в своей тарелке.

– Э-э-э-э... – «Я вроде обещал Винсенту Кинга, но твое-то какое дело, Джина? – подумал я. – Какие книги?»

– Достоевский. Ты недавно купил Достоевского.

– «Идиота»? Да, а что? Откуда информация?

Тут Джина немного успокоилась – я не отпираюсь, не юлю. Придвинула ко мне бокал с вином, отпила из своего, затушила сигарету, откинулась на спинку стула, посмотрела спокойно, вздохнула и начала:

– Я помогла одной девушке, Александре. У нее умер русский дед. Ее преследовал дядя, там какой-то спор о наследстве. Он напал на нее прямо в моем кафе. Я пригрозила полицией – он сбежал. Александра была так расстроена и напугана – ее всю трясло. Я не могла не предложить свою помощь, и буквально на следующий день она заявила со всеми своими чемоданами. Теперь она живет в комнате над кухней. Она думает, что очень важный документ спрятан в книге, которую ты получил, точнее, во втором томе. Сейчас посмотрю... На странице сто пятьдесят второй. Это завещание, и дядя Александры хочет его уничтожить, тогда он получит все. Понимаешь?

– Понимаю. Но при чем здесь я и моя семья? Я отдам эту бумажку – не вопрос. Что вообще происходит?

– Александра думает, что дядя, если он узнает, где завещание, может повести себя слишком агрессивно в попытке устроить свои дела. Марко, я видела этого человека – он очень-очень силен и зол. Я боюсь за твою семью! Где ты спрятал книги?

– Почему вы думаете, что я их спрятал?! Они лежат, и все, просто лежат.

– Александра наняла детектива, и он пытался аккуратно и незаметно забрать документ. Книг нет в кабинете.

– Это тогда?! Через окно?! Да я бы отдал – нельзя по-человечески попросить?!

– Не сердись, Марко. Девочка не могла прийти к тебе прямо – за ней повсюду следует дядя. Лучше было сделать это незаметно.

– Так. Хорошо. Что мне сделать?

– Я дам тебе ее телефон, ты придешь домой, найдешь бумагу и просто позвонишь ей.

– Диктуй номер. – Я раздраженно вбил цифры. – Это все?

Джина выглядела расстроенной, но ведь она ни в чем передо мной не виновата. Я погладил ее по руке, пригубил вино, пожевал его, понюхал. Спросил:

– Хорошее?

Она раскрутила вино в своем бокале, тоже понюхала:

– Перспективное, года через два-три будет ясно.

Я кивнул и вышел в ночь.

11.

И вот книги передо мной.

Я не испытываю никакого интереса. Мне все равно. Мы – чужаки.

Меня слегка потряхивает от желания предъявить обвинения в незаконном проникновении в частные владения.

Холодным рассудком оцениваю состояние книг: да, как и было заявлено, корешок поврежден грызунами, уголки сбиты, страницы пожелтели, но главное, в нашем деле главное – никаких следов насекомых и плесени. Все же я работаю с книгами дома.

Перелистываю второй том в ожидании быстрого обнаружения вкладки. Ан нет, не так просто. Перебираю страницы и раскрываю нужный разворот. Вот оно. Но это не официальный бланк. Тонкий листок кальки, исписанный убористым, каллиграфическим почерком, аккуратно, я бы даже сказал – профессионально вклеен между страниц. Подкладываю белый лист для фона, всматриваюсь в текст – письмо-обращение бабушки к внучке.

Теперь можно звонить.

Я набираю, но мой звонок сбрасывают, и следом раздается видеовызов.

На экране хорошо подсвеченное, симпатичное лицо в обрамлении черных глянцевых волос. Я смотрю на свою искаженную камерой физиономию и в который раз поражаюсь тому, как некоторым удается хорошо выглядеть.

Девушка представляется, здоровается, встряхивает гривой, и на лбу открывается некрасивый шрам. Сразу понимаю, что мы уже знакомы – это она скандалила, когда сломала магнолию, это она вырывалась из рук мужчины с браслетом. Воспоминания о мужчине вызывают очень сильное желание поскорее покончить с этой историей. Желательно сейчас.

Я говорю: хай! Я говорю: вот книги, здесь письмо, я готов это все отдать, мне ничего этого не надо, скажите, куда отнести, и до свидания.

Александра хлопает глазами:

– Какое письмо? Покажи!

Я держу разворот перед камерой, жду, слышу всхлипывания, подвывание, нецензурную лексику. Типа: что?! Что это за... Как он так мог?!

Мне становится интересно, я приглушаю микрофон и читаю под шорохи и причитания:

– «Дорогая моя девочка, я знал, что ты найдешь это послание. Не стоит думать, что твой дед не замечал, что кто-то потихоньку пьет его коньяк. Хотелось напоследок сыграть с тобой в „Одиннадцать записок“, но времени совсем не осталось. Никогда не верь, что старым не страшно умирать.

Итак, к делу. Я уверен, ты уже познакомилась с Исааком и тебя это тревожит.

К большому моему сожалению, это плохой человек, хоть я очень виноват перед его матерью.

С целью защитить тебя и твое будущее я предпринял следующие действия.

Во-первых, завещание хранится у надежного человека и будет объявлено 14 августа, в день моего рождения, в вечернем ток-шоу. Туда будут приглашены все заинтересованные лица.

Во-вторых, и это очень трудно признавать, но то разочарование и то чувство вины, которые вызвал у меня мой сын, твой отец, вместе со своей женой, а также твоя неспособность занять достойное место в жизни, вынудили меня лишиться тебя права распоряжения наследством. Не кричи, читай дальше.

Тебе останется дом, в котором ты выросла, и он будет содержаться за счет фонда вплоть до твоей смерти или смерти твоих детей, если они появятся. У тебя есть пожизненная медицинская страховка, которая распространится и на твоих детей. Создан образовательный фонд

для твоих детей и внуков. Также тебе будет предложена работа на телевидении. Не отказывайся. Я видел твою актерскую дипломную работу – из тебя выйдет отличная ведущая.

Я верю в тебя, мой цветочек.

Все остальное тебе сообщат.

Твой любящий дедушка».

Вот это дед!

Вот это он прикололся, так прикололся...

– А что, – спрашиваю, – большое наследство-то?

Фью-ю-ю-ють...

Интересно, а куда остальное?

Александра рыдает.

– А что такое натворили твои родители?

Поток отборной брани вперемешку с детскими обидами, претензиями и настоящими, в общем-то, горестями брошенного ребенка...

– Послушай, детка, а тут еще вот подчеркнут абзац, может, это тоже важно? – Показываю ей текст, но она, оказывается, почти не читает на русском, и мне приходится перевести: «... теперь уже мне некогда злиться, но тогда, тогда, повторяю, я буквально грыз по ночам мою подушку и рвал одеяло от бешенства. О, как я мечтал тогда, как желал, как нарочно желал, чтобы меня, восемнадцатилетнего, едва одетого, едва прикрытого, выгнали вдруг на улицу и оставили совершенно одного, без квартиры, без работы, без куска хлеба, без родственников, без единого знакомого человека в огромнейшем городе, голодного, прибитого (тем лучше!), но здорового, и тут-то бы я показал...»

– Что это, что это означает? – спрашивает она.

И я говорю, как понимаю:

– Дед твой так налажал с воспитанием твоего отца, что очень сожалеет, что не выставил его из дома в восемнадцать лет на свои хлеба. И теперь, детка, дабы ты не стала такой же, видимо, идиоткой, он лишает тебя наследства.

Александра завывает с новой силой, и я продираюсь сквозь ее плач... но!

– Ты послушай! Ты будешь жить в шикарном доме со слугами, лечиться у лучших врачей, и твои потомки, вплоть до второго колена, смогут получить самое крутое образование...

– Потомки? – спросила она, всхлипывая.

– А еще тебя ждет работа на телевидении! Детка, да ты сорвала джекпот – ты будешь здорова, знаменита, выйдешь замуж по любви за того, кто полюбит тебя, а не твои деньги, и твои дети будут умными людьми! Давай собирайся домой, приводи себя в порядок – я буду смотреть тебя в телевизоре.

– А можно я заберу письмо?

– Конечно. Как?

– Выйдите, пожалуйста, вместе с ним на крышу минут через пять – десять, парень подойдет заберет.

– Извини, а как он окажется у меня на крыше?

– Так он снимает комнату у Пьетро.

– Пьетро? Еще и Пьетро! Вот всегда знал, что ему нельзя доверять!

– Нет! Пьетро вообще ни при чем. Мы просто ждали, когда появится книга, чтоб сразу забрать. Мы думали, там завещание, а срок уже почти совсем истек. Извините.

Скальпелем я тихонько вырезал листок, спустился вниз, взял бутылку вина, два бокала. Сел на крыше, разлил. Подошел парень, я протянул ему вино. Мы немного посидели рядом, помолчали. Он забрал письмо и ушел.

Я был в таком раздрае – мне было бы ни за что не уснуть, – и я остался сидеть один над спящим миром, в ожидании рассвета. Хаос мыслей, образов, событий, страхи, ожидания,

мечты – все смешалось в одну кучу. И только приняв твердое решение привести книги в порядок и отправить их девице, я почувствовал успокоение и разглядел все краски новорожденного дня.

12.

В конце августа на пару недель прилетели дети – сын Слава и его жена Маша. Лила фонтанировала щенячьим восторгом – прыгала, носилась, как электровеник, на скакивала на всех и била по ногам лапами: я! я! я! Яничка, тот бочком, бочком обходил родителей сторонкой, косился недоверчиво – привыкал, вспоминал. Два месяца из жизни почти годовалого человека – это о-го-го сколько.

Маша расстроилась, поревновала, порефлексировала на тему чувств ребенка, растущего без родителей. Мы с Ларкой прямо... да много пережили эмоций, а в итоге словно осиротели – представили, как избавляемся от бремени ответственности, уходим в поздний декаданс и отрываемся по полной... Ну там, сидим с книжкой полночи, валяемся в постели до обеда, не ходим на море или сидим на пляже весь день (поздний декаданс – это вам не ранний, где ресторан, кальян, танцы до упаду и казино до рассвета)... И такая пустота навалилась – мрак!

Потом дети какое-то время пожили нашей жизнью, прониклись благодатью тихого мирного счастья, да и рассудили здраво: ребенку тут хорошо – лучше, чем в закопченном городе, – он здоров, любим и в безопасности.

Мы воспряли: да, да, а еще вам никто не будет мешать работать, и вы можете взяться за дополнительные проекты и поскорее закрыть ипотеку!

Как же мне не нравятся все эти зависимости...

Так, к взаимному удовольствию сторон, мы решили, что Ян останется с нами до ноября, а там мы все вместе вернемся и продолжим участвовать в его воспитании в удобном для всех режиме.

И Лила тоже с нами. К расставанию с внуком я морально готов – это справедливое, естественное течение жизни. Но как отдать Лилу? Как от сердца оторвать!

И жизнь-мечта в домике у моря покатила, полилась, побежала на мягких лапах: из рассвета в закат, из голубого в розовое, из синего в черное, из гастрономического фестиваля в исторический парад... Внук побежал, а мы полетели вслед за ним. Ларка помолодела, постройнела, улыбка с лица не сходит, я же просто «царь горы» – жизнь удалась и все мое со мной!

Взялся за «Идиота». Разложил пинцеты, ножнички, кисточки, расставил краски, клей, лак. В первую очередь, конечно, посмотрел место вклейки листа – какие повреждения нанес я сам, вырезая письмо. Ничего, все сделано аккуратно – профессионализм, как говорится, не пропьешь. И пошли картинки перед глазами: Джина на кухне у Винсента, Александра в слезах, рассвет с бутылкой вина... и шоу с оглашением наследства. И шоу!

Это «кино» я должен досмотреть до конца.

Долго пришлось рыскать по Интернету. Не сразу удалось правильно сформулировать вопрос для поиска – известны были только дата мероприятия да имя девушки. Но ищущий да обрящет.

Описываю мизансцену.

Зал в светлых тонах.

В центре ведущий, в наше время сказали бы – щеголеватый, а теперь употребляют другое слово.

Красные диваны по кругу.

На одном сидят Александра и, видимо, ее родители.

Александра выглядит вызывающе: активный макияж, ботфорты, мини, – но смотрится очень достойно: спинку держит, ножки, ручки. Хорошо. Черные гладкие волосы собраны в высокий хвост, и весь ее образ контрастирует с фигурой матери, у которой волосы распущены по спине и груди, они такие же черные, но с видимой сединой, пушатся над бесформенным платьем с мелким графическим узором. Мать периодически тянется к девушке, пытается при-

коснуться – ловкость, с которой дочь уклоняется от материнской руки, восхищает. Отец сидит как сомнамбула, смотрит в одну точку, перебирает четки, блестит лысой, загорелой головой.

На других диванах еще какие-то люди, но я не сильно хочу вникать – собираю поверхностное впечатление.

Ведущий преимущественно обращается к родителям.

Отвечает мать: мы тут только поддержать дочь, поделиться с ней светом своей любви, так сказать. Бла-бла-бла. Александра строит на камеру милые рожицы и показывает пальцами сердечки – заигрывает с аудиторией.

Это все идет, идет, я на перемотке пропускаю, и тут в студию врывается новый персонаж – брутальный качок с золотым браслетом. Ага! Он сразу кидается на лучшего папашу, хватается за свободные одежды:

– Это ты! Украл отец! Шакал!

Его отгаскивают, усаживают, просят говорить на родном языке – переводчик все переводит. И начинается монотонный дубляж сверхэмоциональных восклицаний.

Александра оживилась, глазища горят. Мать держит отца за предплечье – вроде как удерживает, – а тот как-то скукожился и на героическую партию никак не тянет.

Изсак (очень, очень настаивает на правильном произношении), так зовут дядю, рассказывает душераздирающую историю отношений своей матери с наследодателем, о голодном, бедном детстве и вообще трудной судьбе. Обвиняет не признавшую его семью во всех пороках бесполезного существования.

Потом оглашают результаты ДНК-тестов.

И вот – тадам! – вынос завещания.

Деловитый человечек во фраке надел очки в легкой оправе, раскрыл папку и, чуть подавшись корпусом вперед, очень тихим, проникновенным голосом зачитал написанное.

Детским фондам.

Больничным фондам.

Церкви.

За мир во всем мире...

Исаку конезавод в каких-то землях при условии прекращения дальнейших притязаний.

Очень долгое описание обустройства счастливой жизни Александры и ее потомства.

А потом – еще осталось на потом – пара миллиардов тому его потомку, который первым получит признание... тут очень длинный список премий... в какой-либо из областей науки или искусства.

Родители Александры встают и гордо выплывают из зала. Изсак брызжет всякими агрессивными словосочетаниями. Александра смеется и показывает знак победы – крупный план!

А что, у девочки вся жизнь впереди, в двадцать-то лет. Живи, достигай.

Меня эта история коснулась постольку-поскольку. Случайный прохожий. Ну, понервничал, да. Но зацепило не это.

Не перестаю думать, что я смог сделать для своего сына, каким был отцом, ради чего прожил свою интересную, успешную... Не прожил, не прожил – все еще предстоит. И успех – относительная штука. Хочется гордиться, хочется смотреть вперед... и чтоб там свет, простор, предвкушение... Хочется быть участником жизни близких людей, чтоб каждый день не зря был прожит.

Иди, Лиля, сюда, иди. Дай потискаю тебя доброе, мягкое, пукающее создание.

Ты мне друг?

Ты мне друг.

Смотрю на книжные полки – сканирую обложки, перебираю в памяти свои сокровища. Продам-ка я их. Скоро сезон аукционных торгов. Закроем сыну ипотеку. Все хотелось один проектик замутить, да думал – лениво, устал, пора уже начать сибаритствовать...

А тут вторая молодость накатила. Сил, энергии, желания – вагон и тележка. Новая игра четко вырисовывается, и роли в ней, как ноты, выстроились и ждут первого прикосновения.

Вбегает Лариса:

– Макар! Городской совет по нашей петиции решение принял! Туристов не будет! Можешь перекрасить ворота!

Счастливая какая девушка у меня.

– Ларик, – говорю, – давай фонд на обучение внуков организуем.

Смотрит удивленно. И я думаю, дом нам надо побольше, для всех, с такой поляной, чтоб девочки бегали босиком по мягкой зеленой траве и белые платья хлопали на ветру, как крылья, мальчишки запускали змеев в высоком синем небе, а за спинами у них изумрудное, лазурное, бирюзовое, сапфировое, цвета топаза... море, море, море...

Жена плечиками задумчиво повела:

– А ворота-то когда покрасишь?

– Да покрашу, покрашу.

Ушла. Взглядом где-то далеко, глаза загорелись... Мечтай, моя милая, мечтай. Чего хочет женщина, того хочет Бог.

Не моргни

– Ларкин, бросай ты эту возню, пошли...
– Ты чего? Куда?
– Пошли на море.
– Да ну тебя! У меня суп варится, машинка стирает...
– Выключи все, пошли...
– Надо тебе – иди. Отстань. Лилу вон возьми.
– И Лилу возьмем. Лар, не надо больше ничего.
– Как не надо?! А что ты на обед есть будешь? И ты же работать собирался. Опять фило-
нишь?

– Я тебе говорю – больше ничего не надо. Ни-че-го. Понимаешь? Нет причин что-то еще делать. Потом нет. Никакого потом больше нет. Ни обеда потом нет, ни обязательств по контракту...

– Макар, ты что? Ты меня пугаешь. Что случилось?

– А ничего не случилось. Они не договорились.

– Шутишь...

– Какие шутки, Лар! Иди надень сарафан в маках, мой любимый. А я пока соберу фрукты, вино с собой. Какое хочешь: белое, красное?

– Да все равно, Макарик. Ты с чего, вообще, взял это? Ты все придумал, да?

– Давай-давай, переодевайся быстренько. Сыр братъ?

– Ты!.. Ты не можешь так со мной! Я все утро на кухне!

– Лар, давай по дороге обо всем поговорим. Просто доверься мне.

Они шли вдоль песчаных дюн, солнце стояло высоко, ветер скрипел жесткими стеблями осоки, забрасывал рыжеватые локоны женщине на лицо, оплетал ноги юбкой. Лиля бежала впереди, выбрасывая из-под лап фонтанчики мелкого песка, припадала брюшком к земле, замирала, хитро склонив мордочку набок, ждала приближения хозяев, подскакивала и бежала прочь стремглав и во всю прыть.

Макар нес неудобный короб для пикника, без конца поправляя и прилаживая его к своему телу, своему шагу. Приставив ладонь ко лбу козырьком, оглядывал чуть заметную складку горизонта, где пронзительная блестящая синева встречалась с матовой.

Море, весеннее, еще холодное, глянцево перекатывалось вдалеке, с тихим шелестом наползая на берег хрупкой белой полупрозрачной пенкой.

– ...и Машка просила у меня рецепт айвового варенья. Представляешь, все, что я им отправила, уже съели. Этого сколько банок было? А на рынок у них привезли такую айву хорошую. Машка целый ящик купила. Я забегалась и не позвонила.

– Так позвони.

– Да, позвоню.

Макар остановился, погрузил босые ступни в теплый, шелковистый песок. Поставил корзину.

– Ой, сети нет. Макар, а у тебя?

– У меня тоже нет, Лар. Вообще мертвый телефон.

– Мертвый... Так странно. И людей совсем нет. Мы тут одни.

– Мы вообще одни.

Песок мягкий и теплый. Море ленивое и холодное. Небо синее и чистое. На темной шерстке Лилы золотом блестит песчаная пыль. У Лары на переносице проступили первые веснушки. Машка ругается на тупые ножи и кромсает твердую айву. У Янека первый велосипед...

Надо запомнить все самое важное.

Лара подошла близко-близко.
Макар взял ее лицо в свои ладони.
Лица втиснулась между ними, поднялась на здание лапы: и я!
Солнце моргнуло.

Эскапизм, или Бегство с персиком в руке от пчелы

1.

Камни гладкие, округлые, серые и бежевые, с белыми прожилками. На каждом свой индивидуальный рисунок. Вот этот, продолговатый, на боку угадывается рыбка-селедка, они со Славкой нашли у восточного мыса. Этот, не больше мужского кулака, бежевый, иссеченный рисунком, как перепелиное яичко, подобрали под воротами Винсента... По всему острову собирали для Ларки ее альпийскую горку: приспичит, так хоть умри, а вынь да положь.

Теплая тяжесть в руках, поясницу ломит от работы в наклон.

Пока последний камень не лег под стеной ограды, Макар не поднимал головы. Теперь пройтись электрокосой по лужайке и засыпать щебнем. Или пленку еще настелить? А то ведь прорастет... Это вообще надолго?

Солнце потихоньку садилось и заливало мягким розовым светом его красное, блестящее от пота лицо. Вдалеке прозвучал сигнал – время «лекции»: будьте любезны отложить все свои дела и замереть перед экранами – местное телевидение инструктирует.

На журнальном столике приготовлены тетрадь и ручка. Ларка замерла, напряженная, словно на экзамене, глаза по пятаку, спина прямая. Рядом стоит Лила – упирается передними лапами Ларе в колени, заглядывает в лицо: возьми меня.

Макар уже ничего не чувствует. Нет страха, нет волнения – сплошная отупляющая тревожная вибрация. Молчать, работать, исполнять инструкции, надеяться, не срываться. Устало плюхнулся в кресло, протянул руку, подхватил Лилу под жаркое податливое брюшко, положил рядом, провел ладонью по мягким бархатным ушкам. Лила вздохнула, опустила морду на лапы, настороженные бровки печально подрагивают.

Мельтешение на экране прекратилось, Лара добавила звук. Телеведущий зачитал мировую сводку, озвучил островные новости, перешел к свежим указам и указаниям: бла-бла – при условии... бла-бла – возможно... на пятнадцатый день изоляции перемещение контактных лиц под домашний карантин в специально оборудованные боксы... заявки на оборудование принимаются... Населению не рекомендуется... не следует... запрещается... надлежит исполнять и следовать... в случае нарушения...

– Макар! Ты должен продать машину!

– Почему?

– Нам нужны деньги!

– Да есть у меня... Я уже все приготовил. Площадка почти готова. Бокс привезут послезавтра. Машу отпустят лишь через неделю, да? Успею все подключить. Не волнуйся.

– Да, отпустят, если только...

– Давай без «если». Отпустят. Все будет хорошо. От Славки что-то было?

– Нет.

– Я в порт за щебнем. Возможно, задержусь. Позвони мне, когда списки появятся: там Интернета нет. Лилу возьму?

– Хорошо. Не надо Лилу брать. В порту пыльно, у нее глаза воспалятся.

– И то верно.

Говорить больше было не о чем. Все переговорено, пережевано до коровьей жвачки и отвращения. Спасала Лила – счастливый, преданный, безотказный, шелковистый комок энергии.

Когда появились сообщения об очередном вирусе, они даже не насторожились: устойчивая привычка к жизни в условиях, чередующихся с эпидемиями пандемий, сгладила все

рефлексы. Опять какая-то хрень. Тревожились за детей, как всегда, – звали к себе, на остров. Скандалили, ругались, требовали, но тем все не было страшно: первый вирус косил меньшинства – мимо; второй – всех с азиатской кровью в проценте больше пятидесяти – ни одна бабушка в роду не согрешила с китайцем, уф, тоже мимо; третий выел всех веганов; а вот то, что грянуло теперь, накрыло паникой каждого, все еще способного к восприятию. И дети, побросав первое попавшееся под руку в чемоданы, бросились в аэропорт. Выезды из города оказались перекрыты, часов двенадцать у них ушло на то, чтобы вернуться домой. Особенно настырные попытались выбраться из города пешком лесами и деревнями, но и аэропорты и все прочие транспортные пункты оказались в оцеплении.

Ларка поседела и состарилась за одну ночь.

Двухэтажная гора щебня за два дня с момента выгрузки распределилась по дворовым хозяйствам. Жалкие остатки неровным слоем покрывали растрескавшийся асфальт. Серую терпкую пыль носило туда-сюда и закручивало в маленькие спирали. Макар надел респиратор и наскреб лопатой два полных джутовых мешка. С грехом пополам загрузил в багажник. Долго сидел, прислушивался к мышцам спины – сорвал или отпустит? Вроде отпустило, а все равно не двигался с места.

Порт казался вымершим. Круизные корабли законсервированы на долгую стоянку. Баржи замерли в ожидании разрешения на выход. Яхты в этом году так и не вывели из ангаров. Стекла бросают холодные блики на воду, и ни одна человеческая душа в красных шортах не промелькнет. Плеск воды о бетонный причал, мерный скрежет металла и непрерывный, волглый то ли шорох, то ли вздох.

Море, тяжелое и темное, пологой, долгой волной катит к берегу. Небольшая стая дельфинов черными, блестящими стежками прошла солнечную дорожку. Пахнет солью, водорослями и немного арбузом.

Очень захотелось арбуза, и Макар запил шершавый налет пыли во рту теплой, невкусной водой из пластиковой бутылки. Возвращаться домой к скорбной жене было мучительно и оттого стыдно. Если заехать на оптовый рынок, закупить дынь и арбузов, то этим надуманным делом можно заглушить робкие трепыхания совести. Телефон моргнул коротким сообщением от Лары: «Ничего». И это было самое оптимистичное явление дня – сведения о пострадавших участниках спасательной операции подавались ежевечерне.

Утром достал из холодильника половину арбуза, отрезал Ларе пару толстых ломтей, поставил остальное перед собой и начал есть ложкой. Лара скривилась, но ничего не сказала.

– Раскидаю щебень и займусь разводкой воды и электрики, – когда зубы привыкли к ледяному холоду арбузной мякоти, сообщил Макар.

– Рабочих пришлют, все сделают быстро.

– Они вытопчут половину участка. Лучше сам.

– Не все ли уже равно, Макар?! Лишь бы твои пионы никто не тронул! Как ты можешь сейчас об этом думать?!

– Послушай, Лариса...

Истеричность интонаций, с которыми жена общалась с ним в последнее время, неумолимо нарастала и требовала разрешения в ближайшее время. Семья – это замкнутый сосуд, где покой и непокой либо распределяются равномерно, либо расходится слоями, периодические встряски только на пользу для поддержания общего градуса благоразумия. Макар знал, что если позволить Ларисе и дальше накручивать себя, то, войдя в эмоциональный штопор, она свалится в каком-нибудь кризе и загремит в больничку надолго. А какие теперь больнички? Кому есть дело до бытовых болячек граждан? Надо спасти жену.

– Лариса, Маша с Яном отсидят в этой коробке, сколько им положено, и выйдут. И я хочу, чтоб у нашего внука сразу, как можно скорее, наступила нормальная детская жизнь, где травка,

качельки и ягодки со своей грядки, а не перерытая земля, огрызки деревьев и припадочные взрослые. Ты поняла меня? Возьми себя в руки!

– Не ори на меня! Тебе вообще на меня наплевать! Я тут... я все... а ты вообще ничего, будто тебя ничто не касается!

– Ларис, я, конечно, самый хреновый муж. Кто б спорил? Не сенатор, не министр, не президент – не решаю вопросы мироустройства, не выбираю между войной и миром, не принимаю оптимальных для человечества решений... Но и ты, и твои дети не провели двадцать лет жизни, зажатые между спинами охраны, и не проживаете последние три года в подземном бункере под искусственным солнцем!

Макар набылчился, назидательно тыкал в жену пальцем, краснел лицом, вены резко выступили на висках, слова выскакивали изо рта с брызгами слюны. Ларка забилась в угол дивана, вытаращила глаза. Лила металась между ними, вставала на задние лапы, нервно переступала: стой, стой, перестань!

– Очнись, Лар. До сих пор ничто не касалось нас ближе, чем информационный фон. Мы чудесно отсиделись в нашем островном раю. Но мы не можем избежать общей участи. Даст Бог, дети будут с нами и мы со всем справимся. Ты подумай, как помочь ребенку пережить заточение. Книжки, игрушки... у них одежды совсем нет. Давай-давай, мобилизуйся – надо подумать про жизнь!

Конечно, Ларка психанула, встала рывком:

– Не указывай мне! – И дверью шваркнула.

Топала по лестнице сердито. Но это были нормальные, здоровые эмоции, без нервного дребезжания. Злость – одно из самых безотказно работающих средств.

– Прости, Лили-пули, напугал тебя, малыш. – Макар сграбастал собаку в охапку, ткнулся носом в лоснящийся мех. Шерстка пахла сухой травой. – Идем дела делать. Никто ж не сделает наши дела.

Бокс привезли только под вечер следующего дня. Маленьким подъемным краном закинули на участок пластиковую коробку, три на три, и пару съемных санитарных секций размером с двухкамерный холодильник. Обломали здоровенную ветку старого ореха. К полудню следующего дня прибыла техническая бригада – обрадовались готовой разводке, быстро прикрутили, заземлили, проверили, натоптали, накурили, поржали, выдали инструктаж и убыли на соседнюю улицу. Макар попытался позадавать вопросы, но от него отмахнулись – там все написано, дядя.

До ночи читал, лазил по боксу, крутил, выдвигал-задвигал, запускал фильтры, нюхал воздух, пробовал воду.

Ларка на следующий день обставила пристанище бабскими штучками – полотенчики, коврик, мягкие игрушки, – чтоб через два дня прибыли санитары и вышвырнули все напрочь, оклеили и запечатали дверь.

Когда перекрыли все пассажиропотоки, закрыли города, установили правила карантина и начался мор, властям потребовались добровольцы: смертники-санитары по уходу за больными и рабочие для обустройства и обслуживания карантинных зон. Соответственно, две недели и семидесятипроцентный риск заражения против двух месяцев при риске в десять процентов. За это семьи добровольцев эвакуировали в районы, свободные от вируса.

Славик сразу записался в рабочие и месяц уже отработал, а Маша с сыном все еще не были в безопасности. Две недели карантина перед отправкой, две – после прибытия. Откуда взялись еще две недели? Все новые и новые ограничения, запреты и проволочки.

Оставалось продержаться сутки, и Машу с Яном должны были им отдать. Почти отдать.

– Ларис, давай на море ходим?

– Нет настроения, Макар.

– Помнишь, обещали Яньке аквариум сделать и рыбок туда запустить?

– Ну, помню.

– Так я ведь аквариум приготовил. Пошли, поймем каких-нибудь мальков да ракушек наберем, поставим ему перед окном – будет ребенку развлечение.

– Вечно придумашь какую-то фигню. Они ж сдохнут, рыбы эти.

– Жизнь состоит из фигни. Я каждое утро буду новых ловить, и это будет моя личная фигня. Мы с Лилой идем. Ты с нами?

Пляжи безлюдны – туристов нет, а местные к июлю морем уже сыты по горло, и лишь на первой зорьке, по холодку, рыбаки, любители погипнотизировать удочку, восседают на пирсах. К вечеру на каменных грядах собираются крикливые бакланы. Собачье счастье. Повзрослев, Лиля сносно научилась бегать по скользким камням, и можно было не бояться, что она сорвется в воду, преследуя жирных самодовольных чаек.

Ларка бродила по кромке моря, выбирала из прибоя яркие камушки, ребристые, витые раковины. Волосы растрепало ветром – седая девочка.

Макар с маской и самодельным рыбным сачком нырял у самых буйков. Пятилитровая полупустая фляга кувыркалась на волнах, привязанная веревкой к его поясу. Рыбы не было никакой, и, махнув жене рукой, он широкими саженками ушел в соседнюю бухту. Вернулся минут через сорок, уставший и довольный: в бутылки кружили серебристый сарган и три разноцветные мелкие рыбешки.

Макар растянулся на горячем песке. Кожу обожгло, и теплая волна тронула каждую продрогшую клеточку, наполняя тело восторгом без причины и повода – жизнь ради жизни!

2.

Весь вечер Лара занималась художественным оформлением дна аквариума.

– Пусти уже рыб, им в банке тесно, – ворчал Макар.

Лиля не знала, где важнее быть: с рыбами, с Ларой, с Макаром? Бегала между ними до тех пор, пока в изнеможении не заснула на ходу, прямо посреди гостиной.

– Ой, что это я? – всполошилась Лара. – Я же печенье хотела испечь, Машино любимое! И супчик, супчик куриный!

– Успокойся, не беспокойся, – отвечал Макар, – с утра пораньше встанешь и все успеешь. Идем спать.

Спали – не спали. Лара в полшестого тихонько вынырнула из-под простыни, прошеле-стела босыми ступнями на кухню. Лиля с Макаром не шевельнулись, но Макар не спал. Когда привезут детей? Живы ли рыбы? Надо сгонять за свежей водой... Неужели не дадут обнять внука? Как они продержатся все это время? Почему установили двойной карантин?.. Одно и то же, по кругу, без перерыва, будто горячечный бред.

Хотелось выскользнуть из дома в окно, махнуть через забор, бежать вприпрыжку и, скидывая на ходу одежду, с разгону врезаться, впрыгнуть в сонное утреннее море. Беззаботный, босоногий мальчишка в Макаре потянулся, выгнулся, пискнул откуда-то изнутри, почти уже соскочил с кровати, но поймал внимательный взгляд Лилы, увидел настороженные ушки и тревожные бровки. Ну да, да. Поник и аккуратно спустил ноги с кровати. Да, да, да, Лилипули, а ты поспи еще – это будет долгий день.

Макар вошел в кухню, жена ойкнула от неожиданности:

– Думала, спишь еще. Кофе? Я уже бульон поставила. Печеньем займусь. Ты что будешь делать?

Он обнимал ладонями свою любимую большую чашку, глотал горький горячий кофе, не чувствуя вкуса. Солнце лупило косыми лучами, прошивало дом насквозь, как аквариум. Рыбы!

Рыбы были бодры. Макар раскрошил им корочку хлеба – хватали жадными губешками, аж выпрыгивали из воды. Сарган вытянулся вдоль стенки и степенно волновался. А что едят рыбы в море?

– Я, Лар, если ты для меня ничего не придумала, схожу окупать и воды свежей наберу.

– Да? Не знаю... А! Купи фрукты.

– Какие?

– А что будет хорошенького, все бери. Они ведь там по всему соскучились.

– Не написали еще?

– Нет.

Только на берегу Макар понял, что забыл почистить зубы. Но во рту стоял приличный вкус утреннего кофе, а нос уже наполнился йодистыми испарениями – ночью море перевернулось и выбросило на берег длинные, курчавые ярко-зеленые стебли ламинарии. Рыбаки сидели скучные – какой тут клев? Поболтали. Разжился дармовой банкой какой-то рыбьей каши. Хранить в холодильнике! Ок.

Купаться не пошел. Ни к чему множить подозрения на свой счет – местные не купаются.

Набрал воды... все никак не удавалось погрузить бутылку в море – оно плескалось и подпрыгивало, отскакивало от камней, плевалось прозрачной пеной. Пустая бутылка тоже прыгала и норовила хлопнуть склонившегося над водой Макара по лбу.

Базар еще только просыпался. Сонные торговки вяло переругивались из-за прилавков, прихлебывая кофе из картонных стаканчиков. Запах кофе стоял над рыбными, колбасными и мясными рядами, сыр тоже пах кофе, а замшевый румяный персик переливался на солнце капельками влаги, как ювелирное изделие.

Солнце все еще лежало на нижних ступеньках нового дня – бесстыдно заглядывало в самые укромные уголки и бросало долгие тени. В его дерзком оранжевом свете все выглядело аппетитным и желанным: черешня, абрикосы, персики и клубника, нежные инжир и малина, молоденький зеленый горошек... Макар уже нацелился на сахарную кукурузу, но задрезжал телефон: едут! едут!

Кое-как расплатился, рассыпал мелочь, споткнулся, выскочил не в тот проулок...

Успел. Отдышался. И в душ заскочил, и выволочку за пюре из малины получил.

– Давай поговорим про малину, дорогая. Все лучше, чем ничего или другое...

Тихо-скромно приехала машина «Скорой помощи». Из раскрытой двери выпрыгнули два высоких санитара в белых защитных костюмах. Безбородые угрюмые лица в иллюминаторах скафандров. Один протянул руки в салон, поднял и поставил на землю маленькую фигурку в оранжевом спецкостюме. Следом неуклюже выбралась другая небольшая оранжевая фигура, взяла за руку маленькую, та сделала два шага, запнулась о толстые складки на ногах и полетела носом вперед.

– Янчик!

Макар кинулся подхватить, но был грубо отброшен в сторону резким движением санитара.

Больше они с Ларисой приблизиться к Маше и внуку не пытались. Жались на крыльце. Лила, запертая в доме, жалобно поскуливала под дверями.

Санитары вскрыли бокс, завели туда оранжевых человечков, долго гундосили и указывали руками в разные стороны. Заперли дверь, оклеили дверную щель узорной липкой лентой.

– А ключ?

– Не вскрывать! Через две недели приедем, разблокируем. Если все нормально. Подпишите согласие.

Ларка накорябала трясущейся лапкой закорючки на каждом листе соглашения в двух экземплярах. Макар не отводил глаз от прозрачной стены бокса – оранжевая скорлупа опала, и оттуда вышли бледные до голубизны Машка с Яном.

Машка яростно закрутила головой, нашла что-то на стене, стала тыкать пальцем. Янчик зябко обнял себя за худенькие плечики, прижался к окну. Длинненький, серьезный – бровки домиком, глаза печальные. Четырех лет нет человеку, а столько уже всего...

Машина уехала. Пока Макар закрывал ворота, Лариса успела загрузить в бокс одежду. Помчалась в дом за теплыми носками: там же пол ледяной! Лила уже прыгала перед боксом, Ян крутился в руках у Маши – и помогал, и мешал сменить больничную пижаму. Вырвался, раскинув руки, прилип к окну. Лила поднялась на задние лапы, прижалась мордочкой и брюшком с другой стороны.

Две звезды-ы-ы,
Две светлых повести
В своей люу-убви,
Как в невесомости...

Макар обратил внимание, каким безразличием улица отреагировала на суету в их дворе. Ни одни ворота не скрипнули, ни одно окно не открылось, никто не свесился с балкона, не окликнул приветствием. Страх. Тишина окутала их улицу с того самого дня, как к ним завезли бокс.

Макар подошел, присел возле Лилы на корточки. Ян запрыгал, рассыпался новой порцией беззвучных смеха и слов. Ошалевшая от впечатлений Лила осела на попу. Макар поймал Машкин взгляд, указал ей на правый верхний угол прозрачной стены: связь! Маша слизнула стекающий по руке персиковый сок и потянулась к кнопкам. Через шуршание и хрип пробился

усиленный динамиком счастливый звонкий голос Яньки. Лила подскочила и залаяла от неожиданности. Ян тоже опешил и вытаращил глазищи. Маша что-то подкрутила, и звуки пришли в норму. Лила нервно бегала вдоль бокса, потом увязалась за прибежавшей и опять убежавшей Ларкой.

– Лара! Поговори с детьми!

– Я сейчас! – И только мелькает на кухне.

Маша сложила ладони в молитве:

– Макар, умоляю, кофе, и я все-все расскажу!

Еще ни одной инструкции в своей жизни Макар так не штудировал, как книгу, приложенную к временному убежищу его внука и золовки. Никакой обмен вещами с заточенными в боксе был невозможен. Единственный открывающийся лючок работал только на прием. Они с Ларкой закупили одноразовых картонных контейнеров для еды, но вот в чем передать кофе... ведь термос один, да и великоват...

– Эврика! – воскликнул Макар и вытряхнул капсулы Омега-3 из стеклянной бутылки. Как раз встала под клюв кофемашины. – Ай да я, ай да молодец!

И пару печенек прихватил – вдруг Ларка еще не передала? Завернул все в бумажное полотенце, вложил в кювету.

Машка аж приплясывала от нетерпения. Открыла бутылочку, с наслаждением вдохнула, еще раз вдохнула, принялась, посмотрела на этикетку, хмыкнула.

Ах, черт! Надо было сполоснуть после капсул – рыбой, наверное, пахнет. Макар почесал в затылке. Ну, вот так вышло. Маша села по-турецки на пол, положила на колено надкусанную печенку, прихлебывала кофе, жмурилась счастливо: все равно вкусно. Ян дразнил Лилу через стекло ягодками черешни.

Лара прибежала, еще что-то принесла, загрузила в кювет. Ян внимательно изучил содержимое новой поставки, радостно завизжал: «Лего!» И уселся потрошить коробку.

Маша придвинулась к прозрачной стене, уперла руки в колени:

– Ну, в общем... Слава подписал контракт на два месяца, и нас с Яном выпустили, мы здесь. Связи со Славой нет и не будет, все, кто в зоне, изолированы от внешнего мира. Что там происходит, одному Богу известно...

– Маш, так они же вернутся и начнут рассказывать... – заявила свекровь с видом знатока.

– Не знаю, Лариса. Еще ведь никто не возвращался, ни один срок не вышел – мы из первых добровольческих партий.

– Что... что ты хочешь сказать?... – Лара прижала ладонь к губам и побледнела.

– Девочки, давайте без паники. Есть много способов обязать человека держать язык за зубами. Рассказывай дальше. – Макар сначала взял жену за руку, а потом сунул ей на колени задремавшую на травке Лилу. – Куда его отправили, что он делает?

– Куда – не говорили, но в контракте в перечне работ не было ничего связанного с больными.

– А с умершими?

– Нет. Ничего такого. Но ведь и умерших нет.

– Как? А статистика?

– Это непроснувшиеся. Нет умерших, нет выздоровевших. Все заболевшие находятся в анабиозе, коме, летаргическом сне. Спят.

– Спят? Просто спят? Дышат и сердце бьется?

– Да. Технически они живы, и можно было бы увешать их трубками, кормить и все такое... и вечность наблюдать за их сном, но нет оборудования для миллионов больных. Если сначала подключали всех заснувших, то теперь только избранных.

– А что происходит?

– Ну, они лежат и исчезают потихоньку – высыхают, уменьшаются, им что-то колют, наверное, не знаю. Вот сколько времени человеческое тело может так существовать?

– Маш, ты откуда знаешь? Ведь ничего не говорят официально...

– У нас палата крайняя была, у хозблока... персонал болтает – по стояку в туалете звук всегда идет. Может, врачи все, да?

– Ладно. – Макар потер ладони, переменял позу. – Почему вам карантин продлили? С инкубационным периодом тоже врут? Не две недели? Четыре?

– Это из-за Яна.

– Яна? – охнула Лариса.

– Не волнуйтесь. Просто у детей бывают странности с тестами. Лабораторные исследования вирус не показывают, а тесты могут дать положительный результат. Вот решено их дольше наблюдать. Меня бы уже отпустили... Да все будет хорошо. Ян вообще ни разу ничего не показал! Да, сладкий? – Машка схватила ребенка в охапку, сжала крепко. – Спать хочешь уже? Рано встали...

Лара с Макаром переглянулись. Поднялись, потоптались перед человеческим аквариумом. Макар крикнул:

– Маш! Мы в дом пока пойдем! Я радионяню старую поищу, прикреплю тут как-нибудь, чтоб слышать из дома, если позовешь!

– Да, хорошо. Мы отдохнем пока... Пока-пока, бабушка с дедушкой...

3.

– А ты радионяню никому не отдала? Три года уже ее не видел... – Макар сосредоточенно выдвигал и задвигал ящики на кухне.

– А чего ты на кухне ищешь? В кладовку иди, там синий ящик наверху – Янькино детское все там. Отдала! Последний внук, что ли? – Лариса внезапно замерла, руки безвольно повисли вдоль тела. – Макар, что будет, Макар?

– Все будет как-то. Давай решать вопросы по мере их возникновения, ок? Суп сварила? Вот суп вари, кашку там... Котлетки! Котлетки куриные! Ребенок проснется, а тут бабушкина вкуснятина.

У Макара аж в животе заурчало от голода – на одной чашке кофе с утра. Пожевать бы чего... В кладовке царил идеальный пенсионерский порядок: стеллажи с закрутками, полки с ящиками для хлама, сушка всякая на подвесах... О, сунул руку в туюсок с грецкими орехами, захватил парочку, сдал в кулаке – раскрылись прошлогодние ядра в темной кожуре. А орех-то обломали, надо бы дерево полечить...

Синий ящик забит под завязку мягкими игрушками, машинками, курточками, ботиночками. Радионяня нашлась на самом дне. Проверил – батарейки, конечно, сдохли. Прихватил до кучи замусоленного, еще Славкиного, мопса – спал тот с ним в детстве. Вот ведь любовь навеки была, может, и Яню полюбится – вылитая ведь Лиля, только бежевая...

Обстановочка на кухне боевая: дым коромыслом, грохот посуды, мелькание поварёшек и ножей.

Бочком, бочком и – на двор, а то еще «генерал» с поварешкой в наряд по кухне поставит.

Дети спали в обнимку на одной узкой койке. Макар вставил батарейки в устройство, приклеил скотчем к стенке бокса. Сел в траву.

Сколько они уже спят?

Сколько они будут спать?

Сколько спать нормально?

А что делать, если?..

Макар тряхнул головой – сбросил морок тревоги. Бесшумно опустил в приемный лоток игрушку и пошел сдаваться жене.

На крыльце его встретил густой дух гари. Снятая сковородка парила в раковине. Ларка, закрыв лицо руками, шепотом выла, и крупные слезы капали на стол.

Макар подошел вплотную, прижал жену к себе, указательным пальцем соединил темные капли слез на светлом дереве столешницы – получилось какое-то созвездие, скорее всего Водолея.

– Ну, сгорели котлеты – тоже мне горе-беда! Сгоняю куплю свежую курочку.

Ему отчаянно не хотелось знать истинную причину слез жены.

– Горе, Макарик, горе. – Лара боднула его головой в живот, отодвигаясь.

– Да что такое? Говори, не тяни!

– Лена звонила.

– И что? Девочки?!

– Девочки-и-и... Нормально все с ее девочками! Она хочет, чтоб мы их забрали!

– Так какая проблема? Места у нас хватит, только бы решили, как выехать.

– В том-то все и дело! У них своих мужиков нет – она просит, чтоб Слава!

– Слава уже отрабатывает за свою семью, что он для них сделает?

– Она хочет, чтоб он за Аню с ее двойняшками на второй срок остался!

– Так можно?

– Можно...

– И что ты ей ответила?

– Что связи у нас с сыном нет, и я ничего не знаю и ничего не могу!

– А она?

– А она сказала, что у нее есть ходы и она найдет его! Макар, что нам делать?!

– Что делать, что делать... Выйдет она на Славу, ему и решать. Что совесть ему скажет, так и будет. Ты ведь сестру послать не смогла, думаешь, сын твой сможет? Только Маше ничего не говори об этом. Ни к чему лишние волнения при полной неизвестности...

Чувства Макара к сестре жены сложно было назвать каким-то одним словом – это было сопереживание путаному наслоению взаимных жгучих обид и страстных попыток помочь. Смог бы он сам отказать родственнице, женщине? Все зависит... но скорее нет. И сына он воспитал мужиком. Так что? А ничего, сжать зубы и делать, что должно. И не думать, будет ли возможен этот второй срок...

Зашуршала радионяня. Проснулись. Хорошо. Лариса сразу засуетилась, захлопотала. И тут же:

– Иди! Иди к ним!

Вообще без понимания человек – ну, ты б хотела, чтоб на тебя без конца таращились? Дай людям покоя!

Сразу вспомнился аквариум. Как и следовало ожидать, одна из цветных рыбешек всплыла кверху брюхом. Ну, будем считать – усушка, утруска. Выплеснул, освежил водичку. Покормить решил вместе с Яном. А тут и повод подоспел.

Ян рыдал и брыкался, как молодой бычок.

– Гулять хочет, – пожалала плечами Маша.

Что ж тут поделаешь? Кто б не хотел?

Вдвоем с Ларой вынесли аквариум, поставили перед прозрачной стеной бокса.

– Смотри! Деда обещал – деда сделал!

Внучек глянул одним глазком и только пуще зашелся в плаче.

Но тут на сцену вышел главный солист театра – сиятельнейшая Лиля! Уж что она вытворяла вокруг рыб: и прыгала, и рычала, и задом пятилась, и вокруг себя крутилась; лапку в воду опустит – рыбы прыснут в разные стороны, сама испугается и отскочит, на пузо ляжет, лапки передние вытянет и коготочками землю роет. Смотри, Ян! Лила рыбкам побег хочет устроить – подкоп делает!

Ребенок хохочет, заливается.

(Я смотрю из-за стекла, как кто-то за стеклом в стекле прячется от того, кто не в стекле... Детки в клетке.)

Жизнь превратилась в сплошной театр. Приспособились и книжки читать, и играть через стекло. Рыб хватило на один день. И ладно, одна морока. Стали разыгрывать кукольные представления. Весь двор превратился в игровую площадку, сами начали двигаться, как куклы, и голова всегда повернута на Яна. Вынесли стол в сад, стулья – все как на сцене.

Две недели. Это ведь только на две недели.

В настенном календаре Лариса отметила красным кружком дату освобождения. Исправно зачеркивала прожитые дни.

На девятый день над боксом загорелась пульсирующим красным светом лампа. Сойти бы с ума от охватившего ужаса, да уже от ума ничего не оставалось – жизнь на одних нервах. Оказалось, у Яна поднялась температура. Тут же прилетел дрон, загрузил тестовую систему. Три отрицательных моментальных теста и двадцать восемь часов на лабораторный химический анализ.

Лампа не гасла больше суток – до окончательно отрицательного результата. Соседи совсем перестали открывать окна, а мимо их ворот проносились, пригнувшись. Наверное, еще и дыхание задерживали. Ступидо! А впрочем, кто бы не стал таким соседом на их месте?

Что не давало Макару покоя в последние месяцы непрерывно, так это вопрос: как их островному государству до сих пор удавалось избежать наплыва беженцев? Какие ангелы раскинули над ними свои крылья? И когда закончится эта лафа?

Ответ прибыл ранним утром десятого дня домашнего карантина вместе с требовательным гудком черного лимузина около ворот. Лара с Макаром вздрогнули и застыли, как преступники-рецидивисты, застигнутые на месте преступления. Ребенка же просто продуло под кондиционером – в этом маленьком пространстве совсем негде укрыться, – у малыша сопли, он капризничает – обычная простуда!

Готовые защищать свое любыми способами, Макар и Лариса встретили представителя Министерства здравоохранения.

Им предложили стать «патронатной семьей» для вновь прибывших женщин с детьми на период карантина. С маленькими детьми, ведь у них тоже маленький ребенок... и вот собачка. И они будут разыгрывать веселье перед боксом, чтоб там внутри было не так скучно и одиноко. А что касается питания, то это все будет поставляться из ресторанов, не стоит беспокоиться, никаких хлопот. А какой им резон превращаться в клоунов? Так все просто: за это их сыну будет выдано разрешение для въезда на остров. Они ведь ждут сына, да? А остров с этого дня закрыт на «спецобслуживание» – только избранные, только лучшие. Ну что, согласны или еще надо подумать? Вот и чудненько, тогда вечером можно ждать садовника, а завтра придут фотограф со стилистом – надо сделать портфолио.

– Приберитесь тут и будьте красивыми, – заключил чиновник. – А что собачка у вас необщительная такая? Надо чтоб веселая была. Разберитесь... Да, и вот вам звание почетных граждан, распишитесь. Что, гражданства еще нет? Упущение, разберемся. Вот завтра же и разберемся.

*Ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди,
Желают знать, желают знать, желают знать, что будет...*

Вопросов было множество. Макар попытался было прояснить ситуацию вообще и в частности, но все его вопросы были проигнорированы... или нет, не так, вежливо отклонены с неким чувством превосходства.

И только в последний момент, когда Макар уже приготовился поставить подпись под договором, Лариса поднялась, хлопнула ладонью по столу, нависла глыбой и заявила:

– Пока не поговорю с сыном – никакого согласия!

Чиновник не удивился – видно, был готов к такому раскладу, – быстро сложил свои бумажки и, ни к кому не обращаясь, бросил:

– Ждите. Завтра. Но садовник будет сегодня.

Гость убыл, деловито помахивая папочкой. Маша новое положение вещей приняла с радостью, с какой-то надеждой и готовностью, ведь о Славе говорят, значит, знают, значит, с ним все в порядке, значит, завтра уже они его услышат... и она все-все, что надо для гостей, будет делать! («Гостей! – Макар хмыкнул. – Ну-ну».) Ларка будто заразилась этим Машиным оживлением: встрепенулась, воспряла духом, вышла из оцепенения – понеслась, как электро-веник, мыть, чистить, печь. Форменный дурдом. Макар втихую почти сумел улизнуть в город, но был пойман буквально на пороге и сам не заметил, как уже стоял на стремянке и мыл окна веранды.

4.

Южане медлительны, созерцательны, даже ленивы, при этом говорливы и любопытны. Если у тебя есть источник пресной воды, финиковое дерево и пальмовый лист, то базовые потребности удовлетворены и можно особенно не суетиться – как-то все само собой устроится. Люди, которых прислали с целью создать идеальную картинку на участке Макара и Ларисы, были совсем другой природы – деловиты, молчаливы, сосредоточены. За один вечер два садовника полностью облагородили сад, преобразили лужайку, высадили новую клумбу и полдюжины цветущих кустов. Сопровождающие их четверо рабочих параллельно отмыли и освежили фасад дома, выкрасили крыльцо и ворота.

Лариса, последовательно пройдя через стадии стыда, возмущения и гнева, слегла наверху с мигренью. Макар включил телевизор погромче, надел наушники и сделал вид, что читает исторический роман. Рядом с ним на диване перевозбужденная, вконец вымотанная Лила нервно перебирала во сне лапками.

А вот Маша с Яном были вполне довольны. Ян смотрел новое «кино», его мама наслаждалась неким подобием покоя.

С шести утра следующего дня Лариса начала ждать Славу. Вернее, звонка от него. Сидела истуканом, уставившись в экран телефона. Потом вдруг хваталась за какие-то дела, так же внезапно все бросала и опять замирала на месте. Макар всех накормил и вышел полить новые насаждения.

Сначала прибыл фургон и привез осветительное оборудование. Потом приехали стилист с подручными. Они долго красили и причесывали деревянную от напряжения Ларку. Макару чуть не отчекрыжили его байроновские кудри. Еле отбил. Затем он с женой получил очередную порцию унижений, когда критике подвергся их гардероб. В итоге Ларе привезли платье в мелкий цветочек с воланами. Препираться не было сил, что воля, что неволя... Когда уже позвонит Слава?

Слава не позвонил.

Чиновник приехал в четвертом часу. Прошел через лужайку прямо на веранду.

Сел к столу. Вынул из папки планшет.

Дождлся, когда Лара с Макаром тоже сели. Включил видео.

– Мама! Папа! У меня все хорошо! Я здоров и сыт!

Славка смеется. Родной мальчик. Худой, бледный, обритый... потирает рукой колючий ежик.

– Классная стрижка, да? Всегда мечтал о такой! Мам, пап, вы не злитесь – я остаюсь еще на один срок. Тетя Лена попросила. Пап, ты ведь тоже бы так поступил. У меня неопасная работа. Сейчас я вообще в транспортном подразделении. Я знаю, что Маша с Яном у вас! Я так рад! Что за дурацкие боксы, я, конечно, не понял. Но ведь завтра-послезавтра все заканчивается! Да? Мам! Обними их за меня крепко и поцелуй. Маша, малыш! Я обещаю вам, что все будет хорошо! Я справлюсь. Я вас всех целую и обнимаю! Скоро буду вместе с вами! Вы не представляете, как я рад...

Запись закончилась. Министерский работник убрал планшет, вынул договор, положил на него сверху ручку и серебристую флешку:

– На флешке запись, оставьте себе. Подписывайте. – Он откинулся на спинку стула. Уставший человек.

– Вы обещали разговор. – Макар жаждал в руке флешку и приобнял трясущуюся жену.

Стилист подскочила со своими пуховками:

– Макияж!

Макар так на нее зыркнул, что девушка выскочила из дома.

– Невозможно. Все разговоры с закрытой зоной запрещены. У вашего сына правда хороший участок работ. Водители грузовых машин имеют минимальный контакт с людьми. Ваша родственница как-то сумела договориться. Вернется ваш парень. Вы уж его не подведите. Вас уже отсняли?

– Нет, – ответил Макар, – ждут мягкий свет.

– Сноху с внуком послезавтра к вечеру выпустят. Пара дней уйдет на обработку бокса, и ждите гостей. Удачи!

На Ларису было невозможно смотреть.

Взгляд Макара словно бы отскакивал от ее каменного лица и потерянно блуждал по окружающим предметам.

Лара была подчеркнута спокойна, дала стилисту подправить лицо, пошла к Маше, сказала той, что у Славика все хорошо и он скоро вернется, конечно же после многих карантин, отстояла фотосессию, улыбаясь, когда просили, и двигаясь, когда надо, как машина. Макар пытался пару раз предложить жене успокоительные капли, но она молча, не глядя отводила его руку со стаканом в сторону. Стоп, снято! Лариса вошла в дом, поднялась в спальню, накрылась с головой и исчезла для мира.

Южная ночь – это такая коробочка, выстеленная черным бархатом с искрой: обнимает тебя и прячет, отрицает конечность жизни и открывает бескрайние неведомые миры. Макар сидел на плоской крыше дома, потягивая домашнее вино, и пытался разобраться в своих чувствах. Воздух – густой, слегка липкий от влаги, чуть телесный от запахов, пронизанный резкими одиночными вскриками птиц, трелями древесных лягушек, непрерывным острым зудом сверчка и еле слышным, деликатным пением юного заблудшего комарика – заключил его в свои объятия и еле заметно покачивал.

Когда звезды уже начали танцевать на темном небе, над домами раздался чужеродный для этих мест вой пожарных машин. Определить источник и направление звука было невозможно – казалось, он доносится со всех сторон: воем весь город, весь остров, весь мир...

Под утро ветер принес горьковатые клочки гари. Макар растолкал жену: пора вставать, готовить завтрак. Она резко села на кровати, вспомнила обо всем и опять легла, зажмурив глаза. Макар положил на нее Лилу, та тут же потянулась к розовой раковине Ларкиного уха и запустила туда свой язычок.

– Вставай, Лара, вставай! Я ухожу на базар – в городе что-то происходит. Ты нужна детям.

Солнце этим утром стало похоже на Лару – запуталось в тусклой пелене тумана и не хотело украшать собой этот день. Базар гудел, в воздухе витали запахи кофе и самопального коньяка. Народ бодрился. Макар переходил от ряда к ряду, покупал всего понемногу: свежей рыбки, колбаски, маслица, горячего хлеба, малиновых помидор, пупырчатых огурчиков, сизых слив и глянцевого яблок... Слушал, подбирал одно к одному, обдумывал полученную картинку, переставлял местами кусочки пазла.

Домой не свернул, так, с полными руками покупок, и остановился перед воротами Прокопия. Мучительно долго жал на звонок. Неужели и ты, Прокопий?!

– Да иду я, иду! – раздался недовольный, хриплый голос из глубины двора. – Ни терпения, ни уважения, ни понимания... – Медленно, с покашливанием и шарканьем ног, наплывало на Макара ворчание соседа. – Кого там принесло с утра?

– Это я, Прокопий! Макар!

– А... давно не заходил. – Наконец открылась калитка, и Макар увидел друга стоящим на костылях. – Ха! Удивился? Во-во, никому нет дела, помрешь – никто и не заметит.

– Что это с тобой?

– Старость, Макарий, старость. Упал месяц назад, и нога вдребезги. Проходи давай, стоишь тут...

– А я удивляюсь, чего ты не заходишь? Думал уже, что ты, как все, за чумных нас держишь, боишься одним воздухом с нами дышать. – Макар сложил пакеты на землю, запер ворота.

– Молодой ты, Макарий, оттого глупый. Я бы с удовольствием уже заснул. Посмотри на меня – развалина, обреченная страдать. Для меня вирус – как избавление. И ведь нас таких много... Что пришел? По делу?

– По делу. Был на базаре, как видишь. Послушал, что говорят. Давай присядем – долгий разговор.

Макар подстроился под медленный стариковский ритм, помог Прокопию подняться на порог беседки. Наконец уселись.

– Так вот, наше правительство в обмен на защиту границ от беженцев взяло обязательство принять у себя выжившие семьи, принадлежащие к мировой элите.

– Это еще что? У них же наверняка по всему миру своих дворцов полно.

– Не знаю. Чистых зон, видимо, остается все меньше, и мы в их числе. Местные боятся – людей везут с материка, и с ними, несмотря на все карантинные меры, может прийти вирус. Больничные комплексы охраняются, а вот эти частные боксы для детей – нет. Сегодня ночью в восточной части острова подожгли несколько карантинных дворов.

– Это кто же? Что за нелюди?! Там же дети! Там были дети?

– В одном боксе...

– Сволочи! Радикалы?

– Может, они, может, нет. Люди доведены до отчаяния, а страх делает людей жестокими, превращает в настоящее стадо. Да кому я рассказываю... Прокопий, ты же знаешь, что Маша с Яном у нас еще не вышли из бокса. Во-от! Если погромы начались, то их уже не остановить.

– Соглашусь с тобой, Макарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.